Наперекор

ЖУРНАЛ - КАТАЛИЗАТОР УМСТВЕННОГО БРОЖЕНИЯ

МОСКВА

N 5 ЯНВАРЬ 1997

Ты проснешься ль, исполненный сил...?

I

5 ноября в Москве, а также в других населенных пунктах состоялись митинги и шествия пролетариата, организованные официальными профсоюзами (ФНПР). В Москве такой митинг собрал 35-40 тысяч человек. Примерно половину его участников составили так называемые "красно-коричневые" (зрелище, как всегда, отвратительное: портреты Сталина, безумные старухи, выкрикивающие антисемитские лозунги и т.д.), а во второй половине, наряду с неизбежными профсоюзными чиновниками, присутствовали и взаправдашние пролетарии, тесно сбитые в небольшие кучки: работники Метростроя, "Серпа и молота", группа женщин (почему-то только их) с "ЗИЛа", словом, были представлены практически все крупные заводы Москвы. Нельзя сказать, что настроение пролетариата было боевым, но, по крайней мере, люди понимали, чего они хотят, а это уже большой прогресс по нынешним меркам.

Акция, несомненно задуманная руководством ФНПР для "выпускания пара", носила чисто демонстративный характер и, казалось бы, выполнила эту задачу вполне. Однако, спустя некоторое время выяснилось, что пара скопилось слишком много - очередная массовая забастовка шахтеров с участием полумиллиона человек показала, что до социального мира нам пока еще, слава богу, далеко. И хотя шахтерские забастовки случались и раньше, обращает на себя внимание более высокий, чем обычно, уровень ожесточения рабочих.

Правда, и на этот раз в роли дирижера выступил все тот же ФНПР, плюс руководство отрасли, заинтересованное в государственных дотациях, и, если первые постарались удержать движение в рамках "благопристойности" (как ее понимают официальные профсоюзы), то вторые, несомненно, воспользуются в полной мере, результатами забастовки, и дай бог, чтобы до шахтеров, вообще что-нибудь дошло из выделенных государством средств. При отсутствии самоуправляющихся независимых от профбюрократии базовых комитетов на уровне предприятий так все обычно и бывает. Но в то же время понятно, что отнюдь не официальные профсоюзы толкнули людей на забастовку, что, если бы не массовая спонтанная активность, ничего бы не произошло, как не происходит (по большому счету) во всех остальных секторах российской экономики.

Локальная забастовка, даже всекузбасская, - это еще не социальный взрыв. Специфика нынешней российской ситуации в том, что жизненные условия, условия труда и быта в разных регионах страны резко отличаются друг от друга, а потому разнятся и жизненные запросы людей, их социальные требования. Кроме того, при отсутствии массовых общенациональных рабочих союзов (ведь не считать же таковыми официальные прфсоюзы - ФНПР!) невозможна и координация забастовочного движения на межрегиональном уровне. А это значит, что и в дальнейшем подобные движения будут, скорее всего, носить локальный, региональный характер. Другое дело - степень их радикализма: это величина переменная, и совсем не исключено, что доведенные до отчаяния люди не ограничатся только забастовками, а предпримут и иные, более радикальные действия.

Для многих миллионов жителей России вопрос сейчас стоит так: позволят они уморить себя голодом или нет. Известно, что численность населения нашей страны ежегодно сокращается примерно на миллион человек, и, если так пойдет дальше, то скоро уже некому будет рассуждать о социальной справедливости, за исключением, разве что, профбоссов.

продолжение на стр. 2

Ты проснешься ль, исполненный сил...?

II

5 ноября в толпе демонстрантов выделялось несколько групп молодых людей в модных куртках. Скандируя: "Пива ! Пива! " гогоча, сплевывая и матерясь, они шли куда-то, влекомые толпой. С крыши одного из зданий за всем происходящим следили удивленные строительные рабочие. "Козлы!" - заорали молодые люди, обращаясь к рабочим. "Козлы сраные! Пива хотим !"

Я не знаю: удивятся ли читатели, узнав, что речь здесь идет не о гопниках, а о студентах одного из старейших московских вузов. Замечу, кстати, что таким же примерно образом вело себя большинство молодых людей в ходе вышеупомянутой демонстрации, - а значит, дело тут отнюдь не в данном конкретном вузе. Те, кто видел студенческие митинги и шествия (например, акции "Студзащиты") подтвердят, что так все обычно и бывает. Конечно, в наше время мы ко всему привычные. И все же здесь напрашиваются некоторые вопросы.

Общеизвестно, что в любой мало-мальски цивилизованной стране студенчество - это совершенно особая группа населения, играющая весьма важную роль в жизни общества. Во-первых, от студенчества в громадной степени зависит будущее страны, ее интеллектуальный потенциал, ее культурное процветание, ее будущее экономическое развитие. Во-вторых, принято думать, что студенты, понимая все это, уважают себя, и кроме того, могут заставить любое правительство относиться к себе с уважением. В-третьих, студенты, то бишь (как опять-таки принято думать) молодые люди, обладающие широким кругозором и развитым интеллектом, склонны, по определению, мыслить критически, задавать нетрадиционные, неудобные вопросы. Наконец, в-четвертых, из всего вышесказанного следует, что студенчеству надлежит чутко реагировать на происходящие в обществе перемены, и действительно, многочисленные примеры из новейшей истории вроде бы это подтверждают. Можно вспомнить и парижский "Красный май", и площадь Тяньаньмынь, и "Пражскую весну" (равно как и "Пражскую осень" - бархатную революцию 1989 года). Можно вспомнить и первую русскую революцию, и новейшие события в Белграде, и многое другое. Что же до нашей страны, то в ней за последние годы произошли такие перемены, что и подумать страшно, но дело, в конце концов, не в этих безобразиях. Бог с ними. А дело, например, в том, что положение самих студентов хуже, чем когда-либо,: стипендию фактически не платят, уровень преподавания резко снизился, да и армейские чиновники никак не хотят оставить учащуюся молодежь в покое. Так где же наши драгоценные студенты? А нигде! По-прежнему сидят в аудиториях и демонстрируют свою лояльность. Их реакция практически равна нулю. Хочется воскликнуть, подобно ведущему одной чрезвычайно популярной телепередачи: "Что же дальше-то с нами будет?" Особенно мерзко, даже на этом фоне, выглядят нынешние молодежные демонстрации. Как-то не хочется называть их участников - этих инфантильных молодых идиотов - студентами.

Михаил МАГИД

ХРОНИКА

ВСПОМИНАЯ О "ЕДИНСТВЕННОМ"

2 ноября в Москве в помещении общества "Мемориал" состоялся вечер памяти Макса Штирнера /1806-1856/ - выдающегося немецкого мыслителя, крупнейшего представителя анархического индивидуализма, певца свободы личности. Этой осенью отмечаются сразу два штирнеровских юбилея: 190 лет со дня рождения и 140 лет со дня смерти автора "Единственного и его собственности". На вечере присутствовали люди, интересующиеся идеями Штирнера, из Москвы, Запорожья, Волгограда, Казани и Нидерландов. Вечер был организован группой имени Алексея Борового при содействии Левого Исторического Клуба.

Прозвучали доклады о жизни Штирнера, его влиянии на анархическую традицию, а также на европейскую мысль /Ф.Ницше, З.Фрейд, экзистенциальные мыслители/, о штирнеровском учении о личности, о воздействии идей Штирнера на русскую революционную молодежь начала XX века, о соотношении идей Штирнера и К. Маркса.

Вечер был довольно скромный и немноголюдный - первый в России за многие десятилетия, посвященный наследию Штирнера, но, надеемся, не последний!

МАКС ШТИРНЕР

ЗА ОДНОГО БИТОГО - ДВУХ НЕБИТЫХ ДАЮТ? ПРОВЕРИМ!

7 ноября в Краснодаре на группу членов Федерации анархистов Кубани /ФАК/ напала значительно превосходящая их по численности группа фашиствующей молодежи, привлеченная антифашистскими листовками, которые краснодарские анархисты расклеивали в городе. Столкновение окончилось весьма плачевно для наших товарищей - анархистов: фашисты порвали их флаг, и лишь вмешательство милиции спасло факовцев от серьезных телесных повреждений. Чрезвычайно обиден и сам факт нападения / на Западе, как правило, все наборот - леваки атакуют нацистов, которых спасает от расправы полиция/, и потеря флага, и унизительная защита "разрушителей государства" со стороны ментов. Фашизм наступает! Наших бьют!

ЭТО НАША ЖИЗНЬ: ДЕМОНСТРАЦИИ, РЕПРЕССИИ, СЪЕЗДЫ.

БЕЛОРУССИЯ: ЛУКАШИЗМ У ВЛАСТИ

После развала СССР общество, не имевшее никакого опыта самоорганизации, не сумело воспользоваться открывшимися перед ним возможностями. Хотя, конечно, эти возможности были ограничены, ибо бюрократический аппарат никогда, по большому счету, не выпускал власть из своих рук. Как бы то ни было, общество оставалось пассивным, и это вскоре привело к определенным результатам. Будучи не в состоянии самоорганизоваться, потерявшие воображение люди стали искать новых вождей, которые смогли бы железной рукой навести порядок и сделать жизнь если не счастливой то, по крайней мере, безопасной.

Трудно сказать, в какой мере Лука популярен в Белоруссии. Результаты референдума могли быть подтасованы, благо у режима для этого немало возможностей, в его руках и СМИ и силовые структуры. Важно, что положение Луки упрочилось, в то же время мало кто пытается свернуть ему шею. Оппозиционные митинги обычно собирают 5-10 тысяч человек. Может быть, этого достаточно для того, чтобы оказывать некоторое влияние на политику государства, но явно недостаточно для осуществления серьезных перемен в жизни республики. Миллионы людей сидят у экранов телевизоров и ждут, чем все кончится.

Характерная черта режима - его стремление к полному контролю над обществом, нетерпимость к инакомыслию. Что до экономической политики, то она еще не вполне определилась. По-видимому, будет продолжена приватизация государственных предприятий. В то же время, в ряде отраслей государство сохранит за собой ключевые позиции.

17-го октября несколько человек из московских левых кругов отправились в Минск. Мы хотели своими глазами увидеть, что там происходит, наладить связи. Надо заметить, что ни столкновений, ни кровопролития мы не видели. Очевидно, Лука играет в диктатуру с человеческим лицом. Правда, в период его правления численность ВВ выросла до ста тысяч человек - это громадная цифра для страны с десятимиллионным населением. Но Лука хочет иметь хороший имидж. Поэтому менты обычно не бьют демонстрантов перед телекамерами, а вылавливают втихую наиболее активных из них уже после митингов. Задержанные получают штрафы или сутки. К сожалению, мы об этом ничего не знали, а наши белорусские товарищи забыли нас предупредить.

19-го октября мы (т.е. иностранцы: москвичи и киевляне) плюс белорусские анархисты отпрвились на демонстрацию оппозиции. Ничего интересного там не было, наш одинокий черный флаг окружало бело-красное море. Группа демонстрантов пыталась продвинуться в сторону дворца спорта, где Лука проводил свой конгресс, но менты этому воспрепятствовали. Я видела, как арестовали несколько человек, ушедших с митинга. Но мне тогда не пришло в голову, что тоже самое может случиться с нашими товарищами. А было так: они возвращались домой, зашли по дороге в универмаг и на выходе были арестованы.

Одного выпустили сразу же (из-за французского паспорта побоялись связываться), трех белорусских анархистов продержали двое суток в ментовке, а потом влепили штрафы, а четверо оставшихся получили 5 суток, в том числе наш Петя из редакции "Наперекора".

Наши товарищи из разных городов неплохо организовали компанию поддержки, сообщили в СМИ, обрушили шквал звонков на белорусскую госпрокуратуру. После того как освободили арестованных, мы вернулись в Москву.

Тем временем в Белоруссии мало что меняется. В декабре снова были демонстрации, были столкновения с ментами. 10 декабря в день прав человека тысячи людей вышли на улицы. Тогда же в Минске открылся ресторан "Макдональдс". Около него собралась толпа, которая почему-то решила, что тут будут раздавать бесплатные бигмаки и когда выяснилось, что это не так, народ взбунтовался. Менты пустили в ход дубинки.

Может быть, Белоруссию ждет макдональдизация или что-то в этом роде? Кто знает... Во всяком случае, что бы ни делал Лука, можете быть уверены: нам это не понравится.

Лора АКАЙ

ЛЕВЫЙ ТЕРРОРИЗМ В МОСКВЕ - ВСЕ ЕЩЕ ТЕОРИЯ...

22 ноября в Москве, в здании "Мемориала" состоялось заседание Левого исторического клуба, посвященное традиционной для ЛИКа теме - истории русского терроризма. На сей раз в гостях у ЛИКа была американская исследовательница русского терроризма начала XX века Анна Гейфман - ученица правого советолога Р. Пайпса и последовательница еще более "правого" А.А. Солженицына. Книга и статьи Гейфман послужили своего рода детонатором, вызвавшим бурную дискуссию об источниках, причинах, характере и оценке русского революционного терроризма. Дискуссия была весьма интересной и содержательной.

КОНФЕРЕНЦИЯ В БОЛГАРИИ

В сентябре 1996 г. в Софии болгарские анархисты провели свою конференцию. Многие проблемы болгарского общества: корупция, инфляция и т.д. напоминают ситуацию в России. Анархисты призывают население создавать местное антимилитаристское движение, организовывать кооперативы, коммуны и отряды самообороны.

УБИЙСТВО АНАРХИСТОВ

23 сентября полицейские избили, а затем расстреляли двух бразильских анархистов. Их имена: Osmundo Moreiro da Silva Filho и Alexander Jose Novaes Conceicao. Они были активными участниками анархического движения и играли в рок-группе. Убийцы в форме вложили в руку одному из них пистолет, обвинив его в нападении на "стражей порядка". Товарищи убитых провели демонстрацию в городе Сальвадор и призвали всех желающих писать письма протеста по адресу: Ministerio da Justicia do Brasil webmaster@ml.gov.br

КОНГРЕСС АНАРХО-СИНДИКАЛИСТОВ

МАДРИД

С 6 по 8 декабря 1996 г. в Мадриде проходил 20-ый конгресс Международной Ассоциации Трудящихся (МАТ) - интернационального объединения анархо-синдикалистов. МАТ, известная также, как Международное Товарищество Рабочих, является приемником анти-авторитарного крыла I-ого Интернационала.

Заседания конгресса проходили в университетском городке - там, где 60 лет назад рабочее ополчение во главе с легендарном анархистом Дуррути вело тяжелые бои с испанскими фашистами.

В работе конгресса МАТ участвовало более 500 человек: делегаты секций Интернационала из Аргентины, Великобритании, Германии, Испании, Италии, Норвегии, США, Франции, сторонники МАТ из Швейцарии, наблюдатели от анархических федераций Иберии, Италии и Франции, а также от Испанской организации "Свободные Женщины" (Mujeres Libres).

Участники обсудили ситуацию в мире в связи с глобализацией экономики и повсеместным наступлением капитала на права и завоевания трудящихся. Анархо-синдикалисты должны ответить на этот вызов укреплением солидарности и интернационализацией классовой борьбы. Конгресс отверг любые формы реформизма (включая участие в представительных органах на уровне предприятий и прочих институтах социального партнерства), внес соответствующие поправки в статут Интернационала.

В состав МАТ были приняты новые секции из Болгарии, Ирландии, Нигерии, Португалии, СНГ, Чехии и т.д.. На сегодняшний день секции МАТ действуют более чем в 20 странах мира. Контакт с секцией МАТ в СНГ - Конфедерацией революционных анархо-синдикалистов: 117485 МОСКВА, а/я 34.

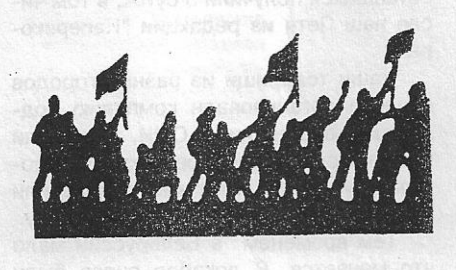
НЕ ТРУДНО ОРГАНИЗОВАТЬСЯ

История о том, как Индустриальные Рабочие Мира (ИРМА или Уаблис) сумели организовать бойкот фирмы "Бордерс" интересна тем, что показывает, как небольшая группа людей может самоорганизоваться по месту работы и эффективно отстаивать свои права, используя при этом методы прямого действия. "Бордерс" контролирует 3 сети книжных магазинов в США. Трудовые отношения на фирме, вообще говоря, характерны для компаний быстрого обслуживания: магазинов либо ресторанов типа "Макдональдс". Работники этих компаний являются одной из наименее обеспеченных категорий населения (зарплата обычно равна минимальной в США или чуть больше, а социальные гарантии, как то: отпуска, больничные и т.д., полностью отсутствуют). Надо еще заметить, что в таких фирмах обычно нет профсоюзов. А то обстоятельство, что люди стараются при первой возможности сменить работу, сильно затрудняет процесс их самоорганизации.

Все же и здесь иногда находятся те, кто хочет создать союзы и бороться против произвала боссов. Одна из таких групп организовалась в Филадельфии в магазине "Бордерс" при содействии леворадикального профсоюза ИРМА (IWW - Wobblies). Вскоре после этого была уволена с работы женщина - активистка группы Уаблис. Работники фирмы и активисты группы ответили пикетами и забастовкой. Затем они подали в суд на "Бордерс" в связи с данным увольнением.

Компания, в свою очередь, вынуждена была прибегнуть к услугам юридической фирмы, специализирующейся на антипрофсоюзной деятельности. В конце концов, "Бордерс" удалось выиграть процесс, но при этом были потрачены громадные деньги, а репутация оказалась подмочена, так как дело получило широкую огласку. Особенно смешно получилось, когда руководство компании пригласило в свой магазин одного известного режиссера, на презентацию очередной книги, а тот, в свою очередь, пригласил выступить вместо себя бастующих рабочих.

После всех этих событий "Бордерс" понесло убытки в $5 млн., а Уаблис сумели усилить свою организацию. Борьба продолжается!



РАДИКАЛЬНЫЕ ПРОТЕСТЫ В ТОРОНТО

С 1995 г. консервативные силы находятся у власти в канадской провинции Онтарио. Правительство проводит политику сокращения бюджетных ассигнований. Сокращаются государственные расходы в таких сферах, как образование, здравоохранение, социальная поддержка неимущих слоев населения. Идут увольнения в госсекторе. Среди предлагаемых мер - ликвидация значительного числа медицинских учреждений (планируется закрыть или объединить 38 больниц, из них 15 в Торонто), в результате чего будет потеряно 6000 рабочих мест. Также, из-за предыдущих сокращений дотаций в систему социального страхования, число бездомных выросло на 50 % в течение одного года. Большинство населения, конечно, против всего этого, так что много разных политических групп, от официальных профсоюзов до небольших базовых инициатив трудящихся организовали двухдневную кампанию протеста.

С 25 по 26 октября 96 г. больше 1 млн. человек участвовало в однодневной забастовке, и Торонто был практически парализован. Власти, стараясь предотвратить эти события, обратились в суд, который наложил запрет на проведение забастовки транспортников. Однако, в полночь с 24 на 25 толпа протестующих двинулась в транспортное депо, и вскоре стало ясно, что ни транспорт, ни почта работать завтра не будут. На своих рабочих местах остались только работники скорой помощи и часть больничных служащих. Сотни людей самоорганизовались в группы, проводившие пикеты по месту работы с призывами к забастовке.

Разумеется, высокопоставленные служащие и бизнесмены не бастовали. Но большинство жителей Торонто поддержали участников протестов (хотя СМИ заявили, что, якобы, требования бастующих в обществе непопулярны).

По всему Торонто работники организовали пикеты возле своих предприятий. Всего таких пикетов было более 300. Одновременно проходила демонстрация студентов (примерно 30 000 участников). Местные ОМОНовцы попытались ее окружить, но из этого ничего не вышло, так как группа демонстрантов на велосипедах зашла им в тыл, и они сами попали в окружение. Еще одна группа демонстрантов буквально взяла штурмом здание фондовой биржи и удерживала его несколько часов.

26 октября в акции протеста приняло участие 300 000 человек (самая большая демонстрация в истории Канады). Вообще, 1996 г. в Онтарио был урожайным на акции протеста против социальной политики местного правительства. В них приняли участие сотни тысяч людей в четырех городах: Лондоне, Хамильтоне, Кичнере и Петерборо.

Значение октябрьских протестов велико. Впервые в своей жизни многие люди участвовали в политической акции. Важно отметить, что вся эта кампания организовывалась децентрализовано, и большую роль здесь играла самоорганизация людей. У активистов сегодня хорошее настроение, и они хотят организовать всеобщую забастовку.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОЦИАЛИСТА

Опубликованная в 1972 году работа "Пределы роста. Доклад по проекту Римского клуба "Сложное положение человечества"", выполненная исследовательской группой под руководством Д.Медоуза, произвела эффект разорвавшейся бомбы. И по понятной причине - авторы, основываясь на тщательных расчетах, сделали вывод: если существующие ныне тенденции роста населения, истощения ресурсов и загрязнения окружающей среды сохранятся, то примерно в середине следующего столетия произойдет резкое и неуправляемое падение как численности населения, так и промышленного производства. Иными словами, ученые предсказали катастрофу.

После появления "Пределов роста", помимо Римского клуба стали возникать новые исследовательские центры и вырабатываться различные концепции преодоления глобальных проблем. Группа Медоуза выдвинула положение о "Нулевом росте", затем возникла концепция "Органического роста" (авторы - Э.Пестель и М.Месарович), в 1981 году впервые появляется понятие "sustainable society" (Л.Браун), переводимое на русский язык как "жизнеспособное общество", "самоподдерживающееся общество", "устойчивое общество". Последнее название стало наиболее распространенным. В 1987 году созданная ООН Международная комиссия по окружающей среде и развитию (МКОСР) выдвинула концепцию "устойчивого развития" (sustainable development). "Устойчивое развитие, - говорится в документах упомянутой комиссии, - это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности".

Формула "sustainable development" с тех пор вошла в лексикон политиков*), ее стали преподавать в университетах, но вопрос о том, как же достичь обозначаемого ею столь прекрасного состояния, до сих пор на общечеловеческом уровне не решен. Между тем голод и нищета растут, эпидемии и войны ползут по планете, ухудшается среда обитания. Не секрет, что локальное "решение" части проблем в развитых странах зачастую означает прямое или косвенное перенесение их в другие регионы планеты посредством сверхэксплуатации их сырьевой базы, "экспорта загрязнений", ввоза низкокачественных потребительских товаров. "Экономическая удавка" неоколониализма отнюдь не способствует культурному развитию Третьего мира, решению его демографических и других проблем.

Прошедший под знаком "устойчивого развитий" международный форум правительственных организация в Рио-де-Жанейро в 1992 году не зря подвергся уничтожительной критике негосударственных экологистов. По их вполне очевидному убеждению, политические лидеры мира "занимаются поверхностным отрегулированием экономической системы, служащей сиюминутным интересам немногоих за счет большинства".

Посмотрим, что это за экономическая система, поверхностное регулирование которой изображают мировые политические лидеры. Производительные силы современности при их разумном использовании обществом уже позволяют людям обеспечить себе необходимую материальную достаточность, рационально распоряжаясь природными ресурсами и не работая при этом в поте лица от зари до зари. Высвободившееся свободное время остается для здоровой творческой жизни - для свободного развития. Все это и означает устойчивое развитие - дело технически осуществимое.

Но реальная ситуация оказывается перевернутой с ног на голову - не производство служит человеку, а человек существует для производства, предназначенного удовлетворять стремление капиталов к неограниченному самовозрастанию (а значит - разрушать окружающую среду). Для стимулирования такого производства в развитых странах поощряется психология бездумного потребительства. Поэтому в мире, где правит капитал, вся многогранная человеческая личность подменяется существом с гипертрофированными функциями производства и потребления, и к сохранению этого положения система прилагает максимум сил. Еще в 1844 году К.Маркс писал: "Расширение круга продуктов и потребностей становится изобретательным и всегда расчетливым рабом нечеловеческих, рафинированных, неестественных и надуманных вожделений". А вот цитированное Фроммом высказывание одного ведущего западного банкира, обеспокоенного возможным изменением ценностей: "Одежду стали бы приобретать для того, чтобы носить ее, пищу стали бы покупать по соображениям экономии и исходя из ее питательной ценности, автомобили разбирали бы на составные части, и одни и те же владельцы пользовались бы ими все 10-15 лет, в течение которых их можно использовать, дома стали бы строить и содержать за то, что они дают кров, а не потому, что такие дома в моде или что такой дом у соседа. И что тогда было бы с рынком, полностью зависящим от новых моделей, новых стилей, новых идей?" Для этого банкира патология стала нормой, а норма - чем-то враждебным. "Персонифицированный капитал" как диагноз.

Таким образом, для перехода человечества к устойчивому развитию необходимо заменить существующую систему на другую - более соответствующую требованиям современности и будущего. До конца ли понимает очень симпатичный человек Деннис Медоуз, что значат его выводы? Осознают ли прекрасные ребята из Greenpeace, к чему именно они стремятся? Понимают ли авторы концепции "sustainable development", что именно означает ее осуществление? Ее осуществление означает не только экологическую, но и социальную революцию, а наиболее последовательные экологисты оказываются социалистами.

Андрей Константинов.

Перепечатано с дополнениями и исправлениями автора из газеты "Социалистическая солидарность", N7.

---

*) Вот и президент Ельцин своим указом от 1 апреля (шутник, понимаешь) утвердил Концепцию перехода России к устойчивому развитию.

Анархические письма

Письмо первое

Петр **РЯБОВ**

I

Защищать честь мундира - дело неблагодарное и скучное. Вдвойне неблагодарное и скучное, - когда мундир из новенького, с иголочки сшитого, уже превратился в ветхие и антикварные лохмотья, давно изодранные, простреляные, заляпанные кровью и грязью и сношенные-переношенные...

Сколько можно повторять всем вокруг, что Бакунин был прав в своей критике марксового "государственного социализма" /сто тридцать лет назад/, а Махно /семьдесят пять лет назад/ не был разбойником и бандитом? В конце концов, подобные речи надоедают и слушателям, и говорящим - всем, кроме нескольких историков, давно превративших анархическое движение в постоянно действующий музей истории анархизма. Аудитория редеет, ораторы изнемогают, но, точно выполняя священный долг, они по привычке все говорят, а другие все еще слушают, из вежливости скрывая зевоту. Говоря словами поэта: "Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?"

Неужели время мыслителей навсегда кануло в Лету, и пришло время комментаторов? Неужели миновало время жить и наступило время - вспоминать жизнь и мечтать о жизни? Кого-то, быть может, устраивает утвердительный ответ. Но не меня.

В реку истории нельзя влезть дважды, не оказавшись второй раз в роли шута. Вновь и вновь повторяются замечательные слова, сказанные некогда по другим поводам, примериваются старые одежды, сшитые на другое плечо и по другой моде. Как будто назвать себя "анархистом" сегодня в России - это значит что-то объяснить - не только окружающим людям, но и самому себе. Как будто слово "анархизм", если оно претендует на нечто большее, чем исторический ярлычок, само не нуждается в объяснении!

Мысли никогда нельзя "хранить", как квашеную капусту или золотой запас, их нельзя положить в банк как капитал, получая с них проценты, - напротив, они подобны горсти воды, зачерпнутой из родника для утоления жажды, - если не выпиваются без остатка, то также мгновенно и без остатка протекают сквозь пальцы в песок. Их надо все время обновлять, открывать заново, перепроверять, творить и черпать горстями - из самого себя и из живой жизни. А попугайское повторение замшелых догм так же бесполезно и никчемно, как плоское, беспочвенное оригинальничанье, новизна ради новизны, фраза ради фразы, выдумывание новых систем и "измов" на пустом месте. Разве можно, оценивая догматы почтенной традиции на прочность, исходить из трусливого желания спрятаться в повторении уютного старого или - из тщеславного желания выдумать что угодно новое, - вместо того, чтобы идти от самой жизни, от самого себя - и к себе же возвращаться в конце пути? Забыть о себе, своем, озвучивая прошлых "великих" или же нести "свою" околесицу, не ведая о них, - одинаково пустое и мертвенное занятие.

Можно мыслить, а можно только "иметь мысль", возлежать на ней, как собака на сене, обладать ею - словно засушенным гербарием, словно мертвым золотом, сваленным в углу. Наш "анархизм" - это засушенный гербарий, это позавчерашняя мысль, бывшая некогда кипящей лавой, но застывшая в магму, в которой золото и шлаки перемешаны вместе. Наш "анархизм" - это плохой перевод западной статьи или плохой пересказ исторической монографии. Он хранится в неприкосновенности в нашем передвижном музее под надежной защитой своих непробиваемых временем витрин, и мы даже не решаемся стирать с него пыль, и лишь изредка, вооружаясь указкой, проводим в немом молчании благоговейные экскурсии для вновь посвящаемых, которых нам удалось ненадолго подловить нашей удочкой на приманку звучного слова. При этом ни у них, ни у нас не возникает вопроса: для чего все это? Зачем? Во что их посвящают?

Если это только история, то зачем столько шума, зачем столько живых "жрецов" и "продолжателей традиций"? Если это живо жизнью сегодняшнего дня, то почему оно столь неприкосновенно и неподвижно? Наши статьи и речи, наши пышные декларации будто бы своего кредо - заемны, это лишь более или менее скверное изложение того, чем были, как жили, во что верили, чему учили Прудон и Бакунин, Малатеста и Кропоткин.

Могут сказать: "Эка невидаль теория! О борьбе, о революции не пишут - их делают". Но разве невозможна деятельность без осмысленного понимания - куда и зачем она ведет, разве возможно повторение стершихся слов, без осознания их смысла? Иначе: "И как пчелы в улье опустелом дурно пахнут мертвые слова "/Николай Гумилев/.

Могут сказать: всякая серьезная борьба, всякая революция поневоле оглядывается назад; так герои Великой Французской Революции рядились в тоги республиканцев Древнего Рима, а революционеры 1848 года и парижские коммунары точно так же были зачарованы магией Великой Революции, и на своей новой сцене разыгрывали старые представления.

Отчасти это верно. Но, во-первых, такое инстинктивное стремление революционеров, даже двигаясь вперед, вечно оборачиваться и пятиться назад, точно раки, никак нельзя назвать их сильной стороной. Во-вторых, сейчас в нашем "анархическом движении" нет ничего от революционеров, а все - только от раков, одни только общие места и избитые истины, от которых подозрительно тянет душком плесени.

Словом, пришло время /и давно уже/, стряхнув пыль с ветхих скрижалей, на коих начертаны догматы анархической веры, присмотреться к ним пристальней. Что такое "анархизм" вообще? Возможен ли он сегодня? И если да, то как?

О партийных людях, изначально подходящих ко всему со своей узкой меркой, справедливо говорят, как о людях с проданной совестью и проданным умом. Есть такой еврейский анекдот. Один еврей приходит к другому и говорит: "Слушай, Абрам, по слухам из зоопарка лев убежал". Абрам в ответ спрашивает: "А как это будет для евреев?" Любой партийный человек - будь то казенный идеолог или революционер, всем интересуется лишь по принципу: "как это будет для евреев" и даже если, для отвода глаз, задает порой какие-то вопросы, то мы можем быть спокойны за него: у него в кармане всегда заранее припрятаны все правильные ответы.

Равнодушная, беспринципная и безыдейная всеядность, с одной стороны, и узкое партийное сектантство, с другой, - вот непременные спутники нашего времени. И той и другой нет дела до истины: первой, потому что она не верит в ее существование; второй, поскольку она заранее знает ее от первого до последнего слова.

Вопросы, в которых я хочу разобраться, волнуют меня одновременно и как анархиста, и как еретика от анархизма /равно как и от других "измов"/. Эти вопросы - не вопросы "тактики" или "стратегии" движения, которого к тому

же еще и нет, но и не схоластический подсчет чертей на кончике иглы. Эти "Анархические письма" - не попытка померить сегодняшнюю жизнь с анархической колокольни, по принципу "как это будет для нас, евреев", а, совсем напротив, выяснение того - есть ли анархической колокольне место в нынешнем мире, или же ее пора снести за ветхостью и ненужностью?

И именно потому, что анархизму по самой его природе чужд догматизм и окостенение, я не одной минуты не собираюсь цепляться за истлевшие лохмотья старых писаний и формул.

II

В середине прошлого столетия датский философ Серен Кьеркегор писал: "За кулисами загорелось. Клоун выскочил предупредить публику. Вообразили, что он шутит - давай аплодировать ему. Он повторяет - еще более неистовый восторг... Сдается мне, что пробьет час, и мир будет рушиться при общем восторге умников, воображающих, что это - буффонада".

Сегодня эпоху "проклятых вопросов" сменила эпоха "проклятых ответов". Поистине, нет ничего явного, что не стало бы тайным!

Так и хочется назвать вторую половину XX века "похмельем" - после буйной пьянки: вчера много пролито вина и крови, много гудело и летело голов, кипело страстей, и кровь бурлила в жилах, а наутро - вялость, медлительность, слабость чувств и дрожь в коленях. Но наша эпоха все же не эпоха "похмелья", ибо при похмелье человек, хоть и ничтожен, но - трезвеет. А мы, как всегда, как водится, так "ничего не поняли и ничему не научились".

Выбор, перед которым мы поставлены неумолимым веком, разорвавшим связь времен, - это даже не выбор между социализмом и либерализмом, между революцией и эволюцией - это выбор между взрослостью и инфантилизмом, между отчаянием зрячести и спокойным благодушием слепоты, между подлинностью и фальшью, между беспартийной правдой и зашоренной ложью "измов"...

"Связь времен", о которой говорил Шекспир, действительно порвалась в мучительном и смертоносном смерче двадцатого столетия. Оглядываясь на анархистов и революционеров XIX века, мы сегодня не можем следовать их путями, как будто ничего не случилось, как будто горная лавина не завалила дороги. Мы уже не можем разделять их наивной веры в прогресс и науку, их безграничного рационализма. XX век, разделивший их и нас, словно огромная трещина, возникшая в результате землетрясения, не позволяет нам верить, подобно им, в добрую природу человека и во всемогущество социальных преобразований. После Освенцима и Колымы, Хиросимы и Лубянки, мы утратили младенческую доверчивость к жизни, детскую невинность и многие из иллюзий прошлого. Теперь мы по-старчески знаем, до каких вершин бесчеловечности может дойти человек, стоящий ныне на пороге самоуничтожения - или преображения.

А между тем вера в неизбежность прогресса, во всесилие науки и социальных изменений была символом веры анархистов, да и вообще социалистов и революционеров XIX века, была даже не самой их программой, но - безусловной и непререкаемой предпосылкой любых "программ". Разум всемогущ, мир познаваем, человек хорош, все зло - от невежества людей и от злонамеренности учреждений, следовательно, людей надо просветить, а вредные учреждения заменить полезными - таково было кредо тех, прошлых анархистов. Все плохое, реакционное,- позади, беснуется и издыхает в бессильной злобе, все хорошее, революционное - впереди, следовательно надо заглядывать, забегать вперед, чтобы быть передовыми, передовыми из передовых, "штурмующими небо" прометеями, авангардом человечества, рвущегося из тьмы невежества и рабства к свету знания и свободы.

Что же сказать о нас - поколении грани тысячелетий? Только слепец сегодня способен не видеть той катастрофы, в которую ныне не то что вступает, а уже вступило человечество. Было бы банальностью перечислять симптомы агонии: экологический кризис, демографический кризис, перспектива ядерного Апокалипсиса, мельчание личности, усиление полицейского государства, канун тотальных этнических конфликтов, небывалая инфляция всех смыслов и слов... Нынешняя краткая передышка в череде бурь и кровопролитий может обмануть лишь тех, кто хочет обмануться - на горизонте тучи все темнее, воздух современности насыщен предчувствием новых чудовищных катастроф. Мы сегодня не можем не знать, что все бывает и все возможно, раз существуют АЭС и атомные бомбы, Кашпировский и фашисты, СПИД и теория относительности и 101-я комната Оруэлла, где умельцы в пять минут делают из святых - злодеев и предателей. Что значит сегодня быть "передовым человеком", "идти в авангарде", сокрушая обломки вчерашних устоев? Идти в авангарде падения в пропасть, быть передовым бараном, радостно и бездумно увлекающим за собой на дно все человеческое стадо?

Что значит сегодня быть революционером? Каковы враги у сегодняшнего революционера и анархиста? Вроде бы прежние - Власть и Капитал, государственный деспотизм и общественное мещанство. Однако нынешнее "мещанство", оснащенное компьютерами, Голивудом и массовой рекламой, капающей на мозги с детства до старости, с утра до ночи / в духе антиутопии Олдоса Хаксли/, интегрирующее в зародыше любой протест и покупающее с потрохами любое творчество - это уже не прежнее мещанство: уютное, сытое, пошлое, тихое и бездушное домашнее мещанство ионычей XIX века с их обязательными канарейками и ночными колпаками, равно как и деспотизм, оснащенный детекторами лжи и атомными боеголовками, ГУЛАГами и Котлованами, Министерством Правды и Министерством Любви - это уже не царский деспотизм с его каторгой, филерами и теорией официальной народности! У сегодняшнего революционера нет ни почвы под ногами, ни веры в светлое будущее, ни культурной "среды обитания", ни теоретиков и мучеников движения, ни живых традиций, - ничего, кроме одинокой и субъективной жажды - до конца противостоять Дракону Системы.

По всему, анархизм должен был бы иметь в нынешней России мощнейшую базу /если в социальной жизни, как и в физической, противодействие всегда равно действию - а не до какого-то, пройденного предела/. Ведь" действие" - насилие, творимое над человеком - со стороны и Власти, и общества, и чиновника, и средств массового оболванивания, и полиции, и армии, и капитала, в XX-ом веке возросло многократно, приняло изощреннейшие формы и невиданные размеры. Казалось бы, - вот почва для бунта, для протеста, для нового, нынешнего, живого, сильного, здорового анархизма. Но где все это? Значит, - обществу можно переломить хребет, а человека можно убить, искоренить, выжечь, вытоптать - совсем и навсегда?

Мы - те, кто открыл для себя в 80-е годы неизвестную и забытую страну - "подпольную Россию", Россию Революционную, свободную, гордую, отважную, - стоим сегодня на пустом месте, хуже того, на выжженном пепелище. Что нам в разбитых черепках давно ушедшей цивилизации? Живая связь, живая традиция давно прервана. К середине XX века в эмиграции и застенках истлели последние искорки былого огня. Черное знамя валяется поруганное, порванное, затоптанное, в пыли, в грязи, хранится где-то в кладовых под замком у старых архивариусов, среди ненужного хлама прошлых лет. Стоит ли, собрав по клочкам, вновь разворачивать его?

Где мы? Кто мы? Откуда мы? Что нам делать с нашим круглым сиротством? Что еще не потеряно и возможно? Осталось ли хоть что-то, хоть крупица живого от того, что тяжким трудом и кровью собирали и накапливали такие чужие нам, такие далекие и наивные предки, отделенные от нас всего каким-нибудь одним веком,- тем веком, когда седеют в считанные дни, и минуты считаются за года?

III

Исторический анархизм - анархизм XIX-го столетия - стоит перед нами, точно огромный и прекрасный младенец, точно Геракл в люльке, - с наивным взором, неясными желаниями, импульсивными порывами и незамутненностью помыслов.

И в самом деле, анархизм - младший брат в семье великих новорожденных Нового Времени. Успел состариться, обрасти жирком и обрести скептическое благодушие, либерализм, чей звездный час прогремел в грохоте революций XVIII-го века, успел подрасти и возмужать социализм государственный - социализм Бабефа и Вейтлинга, Луи Блана и Этьена Кабе, когда, наконец, в 40-е годы XIX века во Франции и Германии раздался клич анархизма, провозглашающий одновременно стремление к полному освобождению личности и желание достичь свободной общественности. Штирнер в Германии, Прудон во Франции, независимо друг от друга высказали две половины анархического кредо. Штирнера сочли странным шутником, Прудона - подозрительным субъектом, который не укладывался в партийные разборки бонапартистов и орлеанистов, государственных социалистов и сторонников Бурбонов. Но сказанное было сказано, и притягательная сила, неопровержимая правда анархической проповеди мало-помалу достигла сознания общества.

В нашем сегодняшнем удалении от XIX-го века с его борьбой и с его истинами, есть одно большое преимущество: в пестрой мозаике разноречивых и нередко враждующих между собой анархических голосов, направлений, школ и групп, мы можем увидеть некоторое единство, то, что рождалось из суеты и суматохи времени, но не исчезло вместе с этим временем. Единой философии, единой "системы" анархизм XIX века не создал. Однако большое видится на расстоянии: в пестроте анархизма XIX-го века угадывается общее ядро, спадает шелуха мелочных раздоров и преходящих заблуждений /пусть тогда они казались важными и принципиальными догмами/, отлетает все ложное и наносное и отчетливее предстает главное - пафос свободы, не признающей никаких рамок и компромиссов и стремившейся осуществиться во всей полноте. Нет свободы вне равенства, нет свободы дозволенной, ограниченной, дозированной, привилегированной, и нет человечности вне свободы - вот что не устаревает в проповеди анархизма XIX-го века! И из этой веры вытекают все научные обоснования, все публицистические проклятия, все критические атаки на современное общество, все попытки вслепую нащупать путь к иной жизни, к иному обществу.

Далеко позади нас остался XIX-й век и анархизм XIX-го века со всеми его склоками и спорами между анархистами-индивидуалистами, вырывающими одинокую личность из общества, и анархистами-социалистами, воспевающими свободное общество и забывающими о личности. Позади остались все разногласия между анархо-синдикалистами и анархо-коммунистами с их полемикой о методах и темпах: все это имело свою ценность, свое значение, кипело живой жизнью и ныне сдано в архив под присмотр историков. Но главное, то, что и до XIX-го века жило в человечестве, но вполне выразилось и отлилось в чеканные формулы лишь тогда, это главное не ушло.

Анархизм - в той мере, в какой он выжил и существовал в XX веке на Западе - существенно преобразился. Видя все старые пути заваленными чудовищной лавиной, он упорно искал новых дорог, стремясь к внутреннему синтезу своих направлений и к взаимодействию - теоретическому и практическому - с другими, близкими ему движениями. Развернувшись в полный рост в махновском движении на Украине, в испанской революции 30-х годов, да в парижском "Красном Мае" 68-го, помимо этих ярких, героических, но одиночных эпизодов, анархический огонь бился незримо и пробивался порою - то в молодежных коммунах Запада, то в борьбе феминистских движений, то в стихийных экологических протестах, то в теориях мыслителей Франкфуртской школы, экзистенциалистов и экосоциалистов. Но, если анархическое пламя не вполне потухло на Западе, то в России само кострище было надежно забетонировано. Чахлый кустик перестроечного неформалитета породил на одной из веточек пару вялых анархических листочков. Теперь нам все приходится начинать с нуля. Пусть нас мало, пусть мы не знаем толком, что можно сделать и как начать - но мы ощущаем родство с теми, чье сердце билось сильнее при слове "свобода", а значит, не все связи потеряны, не все нити порвались. Ведь в каждом времени есть то, что вне времени, в каждом человеке живет то, что не умирает в человечестве с его смертью. "О вольность, вольность - дар бесценный!" - писал Радищев в XVIII веке, и эхом откликался ему из века XX-го Александр Галич: "Я выбираю свободу!".

И все же, хотя символ веры наш прежний, но верим мы уже иначе. Теперь, после тоталитарных экспериментов над людьми, нельзя верить не только в абсолютно злую природу человека, но и в абсолютно добрую. На передний план вышел, наряду с традиционным вопросом о деспотизме Власти, также вопрос - о внутреннем рабстве и деспотизме масс, порождающих из своих недр фашизм и большевизм, - вопрос, почти неведомый для анархизма XIX века, однозначно противопоставлявшего народ - государству, общественную мораль - государственному праву, роковой вопрос, ставящий крест на безудержной апологии Человека, Прогресса и Науки.

Необходим отказ от ориентации на традиции просвещения и позитивизма, предполагающие объективность, однолинейность и механицизм в подходе к постижению явлений человеческого мира. Напротив - диалогичность, понимание множественности человеческих смыслов и раскрытие экзистенциального и необъективированного в личности, отказ от абсолютистских претензий рационализма, мужественная решимость без страха смотреть в бездну, таящуюся в человеке - только это сегодня может избавить анархизм от хронической слепоты и слабоумного самообольщения.

Прогрессизм и авангардизм, возобладавшие в классическом анархизме, сыграли с ним злую шутку. В неистовстве катастроф, потрясающих человечество в первой четверти XX века, анархисты видели то, что хотели видеть: гибель старого мира рабства и рождение нового мира свободы. Однако, новый мир возникший на пепелище, был едва ли лучше старого, многократно проклятого анархистами и - осужденного на гибель - и именно потому, что свободолюбиво настроенные революционеры верили в революцию как в разовый акт, приводящий к Царству Божию на земле, недооценивали значение личного усилия и обожествляли массовую стихию. Однако, бешенство массовой стихии породило гранит диктатуры, сковавшей ее; провозглашение Царства Божия на земле породило новую теократию, страшнее египетской и римско-католической, со своими жрецами и рабами.

Разумеется, мысль Бакунина о неразрывности личной и общественной свободы, о невозможности для личности покинуть общество и искать своего жребия вне его, и сегодня остается в силе. Но, если традиционные анархисты, ослепленные суеверной верой в науку и прогресс, делали упор на общество, на его механическое и неизбеж-

но благое движение, которое само по себе освободит личность, то сегодня надо решительно перенести акцент на личное усилие, на личное сопротивление, на личное творчество. Как сказал поэт: "один из всех за всех против всех" - сегодняшний анархист должен уподобиться Лютеру, который гордо бросил в лице католическому судилищу, потребовавшему от него отречься от своей веры, дерзкие слова: "На том стою и не могу иначе".

Пусть мир рушится, пусть надежде нет места, пусть земля покрыта концлагерями и публика рукоплещет тирану - довольно того, что я - я осознающий себя свободным и ответственным в мире холопства и безответственности - не принимаю всего этого. Из безнадежного протеста прижатых к стене одиночек, трезво глядящих в лицо миру, может родиться спасение общества. И наоборот - что может быть сегодня постыднее и пагубнее веры в то, что кривая сама по себе куда-нибудь выведет и общество как-нибудь выкарабкается, и все обустроится само собой?

ной, активный, творческий, способный бросить себя на ту или иную чашу весов мироздания - то, сколь безнадежной ни казалась бы ситуация, как бы убедительно ни обосновывала наука невозможность борьбы, как бы ни была покорна "масса", как бы единодушно ни звучало общественное мнение - человеку есть что противопоставить всему этому. Тогда бунт личности, ее отказ принимать мерзость окружающего, возможен и необходим. Не во внешнем, вне человека находящемся, - будь то вера во всемогущество социальных преобразований или в математическую точность научных расчетов - должен искать современный анархизм свою главную опору. Конечно, чтобы действовать, надо внимательно учитывать все эти факторы, с уважением прислушиваться к мнению науки, и брать в расчет влияние социальных институтов. И все же - все эти рассуждения, соображения, факторы - лишь фон и подручный материал для творчества личности, черпающей силы в осознании своей собственной самоценности и свободы.

Художник - Николай Муравин

На смену прогрессистскому авангардизму революционеров XIX века должно прийти понимание анархизма, как "арьергардного гуманизма" - гуманизма эпохи сумерек человечества. Место младенческой беззаботности традиционного анархизма и его суеверной веры в науку сегодня должно занять исповедание личностью веры в свободу, из которой может родиться и зло, но вне которой не может родиться благо. Вместо старых надежд достичь "конечной цели" и посадить Жар-птицу идеала в жесткую и рассчитанную клетку - должно прийти вечное и упорное пробивание пути к далеким горизонтам. Слепое и некритическое обожествление "массы", массового творчества и действия необходимо заменить творческой активностью личности - способной идти против течения, соединяться с другими личностями и противостоять любой безликости.

Если личность - лишь песчинка, механический атом, соринка в потоке жизни, то она может лишь покорно мчаться вместе с другими к обрыву водопада, не смея роптать и не надеясь ни на что. Но если личность - действительно микрокосм, один из миллиардов центров вселен-

Анархисты прошлого пытались доказать, что современное общество неизбежно движется к анархии - рано или поздно оно достигнет этой заветной станции назначения, так не лучше ли ускорить движение? Само по себе стремление доказать эту сомнительную неизбежность - не плохо и не хорошо; плохо то, что многие анархисты именно на этой *неизбежности* основывали весь свой анархизм. А что, если анархия не неизбежна? А что, если зло, насилие, существующее от века и отлившееся в государство и эксплуатацию, не искоренить никогда? Разве от этого они перестают быть злом и насилием? А что, если, наконец, человечество доживает считанные дни, и встающий рассвет увидит не цветущие сады анархии, а выжженную и безлюдную пустыню? Что из этого? Понятно, что в плане общетеоретических, социологических и прочих построений это что-то меняет, и существенно, - но что это меняет для человека, стремящегося в любых условиях сохранить в себе человечность, не оскотиниться, не стать рабом или тираном, овцой или овчаркой? Как пронзительно сказал Достоевский в "Братьях Карамазовых": "Я согласен, что ина-

че, то есть без беспрерывного поядения друг друга, устроить мир было никак невозможно; я даже согласен допустить, что ничего не понимаю в этом устройстве; но зато вот что я знаю наверно: если уж раз мне дали сознать, что "я есмь", то какое мне дело до того, что мир устроен с ошибками и что иначе он не может стоять?"

Сказанного вполне довольно, чтобы понять - от какого наследства в классическом анархизме мы отказываемся, а от какого отказываться не вправе. Но стоит немного подробнее остановиться еще на двух вопросах: возможен ли "научный анархизм", анархизм как наука, и возможно ли достижение "конечной цели" анархизма, построение анархического общества?

IV

В классическом анархизме сосуществовали рядом две тенденции, которые существенно расходились по вопросу о том, - как соотносится анархическое мировоззрение с наукой. Одна из этих тенденций стремилась обосновать анархизм научно, более того, построить его, как строгую научную систему - со своими посылками, теоремами и выводами, научно разработать анархическую программу и научно сконструировать проект будущего, совершенного общества. Другая тенденция, уважая значение науки, используя порой научную аргументацию и научные приемы, провозглашала, однако, примат жизни и личности над наукой и видела в анархизме прежде всего вольное творчество, расчищение завалов современности, не стремясь научно просчитать и обосновать каждый шаг анархизма и, тем более, нарисовать научную картину "конечного идеала". Первую тенденцию представляют Годвин, Прудон и особенно Кропоткин, предпринявший грандиозную попытку построения "научного анархизма". Вторую тенденцию представляют Штирнер, Бакунин и Боровой.

Здание кропоткинского "научного анархизма", которое Петр Алексеевич кропотливо и заботливо возводил по кирпичику более сорока лет, используя всю мощь своей научной эрудиции и литературного таланта, оказалось шатким и внутренне противоречивым. Прежде всего, претендуя на отождествление анархизма и современной науки, Кропоткин сам то и дело впадает в ненаучную тенденциозность - то бессознательно игнорируя факты, противоречащие его доктрине, (например, постулируя децентрализованность и неиерархичность всех природных явлений, Кропоткин упрямо игнорирует такие неудобные факты, как наличие центральной нервной системы у высокоразвитых животных и проч.; справедливо указывая на громадное значение взаимопомощи и солидарности в природном и человеческом мире, Кропоткин закрывает глаза на многочисленные примеры и тенденции противоположного характера и т.д.) то превращаясь в поистине религиозного проповедника подвижнической и героической этики /тогда как приводимое им же "научное обоснование" требует этики утилитарной, а отнюдь не героической, этики справедливости, а отнюдь не самопожертвования/. Далее, "наука", претендующая на предсказание будущего, обречена держать экзамен на проверку этим будущим - а кропоткинские оптимистические прогнозы, основанные на прогрессизме и механицизме, в основном, не подтвердились. Наконец, вызывает решительное возражение сама возможность построить анархизм в виде науки /это возможно лишь, если, подобно Кропоткину, понимать личность, как благого "сознательного автомата", тождественного всем остальным личностям/. Ведь анархизм, по замечанию русского анархиста начала XX века И.Гроссман-Рощина, есть "философия оценок", а оценки и ценности - вне науки и, если наука лезет за свои пределы, то неизбежно вносит в сферу оценок и ценностей присущие ей фатализм, бездушность и безличность.

В отличие от Кропоткина, Бакунин провозгласил своим девизом Бунт - "не бунт против науки, но бунт против правления науки, против ее власти над жизнью": будь то претензии ученых, вообще "экспертов" и узких "специалистов" управлять обществом, будь то претензии науки все понять, объяснить, обосновать, просчитать, предсказать. Царство науки - царство общего и безличного: живое, личное, единичное, свободное просто вне ее разумения. Науке нет дела до конкретного Петра или Якова, - писал Бакунин. Дайте ученым власть, и они начнут ставить над людьми опыты и эксперименты, как над кроликами. Уже в наше время эту плодотворную мысль развил в своем "эпистемологическом анархизме" Пол Фейерабенд, отрицающий как монополию науки на познание истины, так и бюрократическое построение самой современной науки, подкармливаемой государством и представляющей, в сущности, иерархию чиновников, узко специализированных и считающих себя "солью земли" /Об этом см. также изумительные статьи А.И. Герцена "Дилетантизм в науке"/.

В современной науке, по крайней мере, в науках, считающихся науками образцовыми, науками по преимуществу /таких, как математика и физика/ необходимы /иначе эти науки просто не будут плодотворными/:

- во-первых, максимальное исключение познающего субъекта и его ценностных суждений, примат общего над частным, закономерного над случайным, и,

- во-вторых, расчлененность, расщепленность взгляда, рассмотрение мира по частям и кусочкам, не в целом и не в главном, без соотношения его с личностью и без суда должного над существующим. Наука всегда /в лучшем случае, если она честна и беспристрастна, а не продажна и изначально ангажирована/ рассматривает мир таким, каков он есть, а не таким, каким он может, должен быть. Большего от нее не ждите. В противном случае - неизбежно насилие и над миром, и над наукой.

Наука, например, помогает изучить существующее общество, обнаружить существующие в нем тенденции и закономерности, - не более того. Уже суд над этим обществом производит личность. Тем более темный лес для науки - вопросы грядущего, - именно потому, что грядущее вариативно, и его творят живые люди со своими ценностями, интересами, страстями, желаниями и усилиями. Так, наука бесстрастно сообщает нам: "В существующем человечестве "первый мир" живет относительно комфортно и безбедно за счет того, что "третий мир" живет в нищете и голоде". На этой констатации наука умолкает. Оценивать этот факт она уже не может. Это дело нашей совести, наших убеждений и предубеждений.

Если же пытаться научно "предсказывать" и "планировать" будущее, то это насилие над наукой и над жизнью не приведет ни к чему хорошему: провозглашая фатальную неизбежность чего-либо, декларируя объективизм, сводящий субъекта на роль покорного пособника или бессильной помехи, поклоняясь историцизму и телеологизму (целеполаганию), эта изувеченная "наука" будет на деле очень тенденциозной, и притом всеми силами стремящейся спрятать свою тенденциозность под нарочитым одеянием бесстрастной безличности и притворного равнодушия. Пристрастия творца "научной системы" влезут контрабандой через черный ход, вместо того, чтобы открыто прошествовать по парадной лестнице.

Так, научный скальпель помог Марксу безжалостно вскрыть гноящиеся язвы буржуазного общества, но претензия на создание направленного в будущее "научного социализма", намечающего и обосновывающего путь в светлое завтра, привел как к игнорированию личного начала в теории, так и к доктринерской нетерпимости по отношению к другим - менее "научным", "утопическим" социалистам. Попытки загородиться, спрятаться, убежать, прикрыться фиговым листком анонимной "науки", скрыв под ним свои пристрастия и убеждения, всегда негативно ска-

зывались как на "науке", так и на самих убеждениях: наука становилась слепой и тенденциозной, глядя на мир одним глазом, а убеждения приобретали налет безличности и бездушия.

Альфа и омега анархического мировоззрения - личность, субъективность, свобода, творчество, бунт против существующего и бесчеловечного во имя должного и человечного!.. Как можно все это доказать, уловить в общие, безличные и объективные сети науки?!

Наука, рацио, могут быть сильны в деле анализа, в деле критики /потому-то их так и обожествили просветители/, но в деле синтеза - сподручнее вера и интуиция, которые помогают соединить расколотый мир современного человека в единое целое /тогда как науки расчленяют и растаскивают его на кусочки/. Вера и интуиция помогают уловить в различных проявлениях мира пульс единого и общего смысла. Науки препарируют, анализируют мир, смысл, человека, а философия - синтезирует, объединяет. Наук много, а философия - одна и едина. Философия - это именно знание о мире, как о едином. Вместо законченной научной "системы", она предлагает цельный и открытый взгляд. Науки подобны мертвой воде из сказки, а философия - подобна живой воде. Очевидно, что анархическое мировоззрение, включая научные элементы, научные схемы, научный анализ и научный прогноз, ни в коей мере не сводится к науке. Для современного анархиста наука может быть одним из инструментов, но никак не верховным судьей и господином!

Прислушаемся к словам Алексея Борового: "Все "научное", "объективное", рационалистически доказуемое бывает безжалостно попрано, наоборот, остается нетленным все недоказуемое, но субъективно достоверное. В "знании" противоречия - недопустимы, вера знает - любые противоречия. Всякое знание может быть опровергнуто, а веру опровергнуть нельзя. И анархизм есть вера. Его нельзя доказать ни научными закономерностями, ни рационалистическими выкладками, ни биологическими аналогиями. Его родит жизнь, и для того, в ком он заговорит - он достоверен. Тот, кто стал анархистом, не боится противоречий, он сумеет их творчески изжить в самом себе. И анархизм не чуждается "науки", и анархизм не презирает формул, но для него они - средство, а не цель."

После этого становится ясным, почему невозможен "научный анархизм", анархизм, как наука. Признание, наряду с наукой - веры, наряду с разумом - внеразумного, например, интуитивного или волевого начала, - не унижает разума и науки, но ставит их на подлинное - подчиненное - место перед лицом творческой личности. Банальный пример: птица, жертвующая собой, чтобы увести врага от своего гнезда с птенцами. Очевидно, что уже на этой, доразумной стадии, имеет место коллизия между двумя врожденными инстинктами - материнским инстинктом и инстинктом самосохранения, а значит, возможен выбор, возможна в какой-то мере свобода, возможна индивидуальность. Тем более, это относится к человеческой личности, в которой разумное начало является лишь одной из многих составляющих при бесчисленных внутренних коллизиях и выборах - больших и малых, через чистилище которых собственно и вырабатывается, выковывается неповторимая личность.

В связи с этим хотел бы ненадолго остановиться на проблеме веры, религии. XX век многое изменил в традиционном /то есть относящемся к XIX веку/ понимании "передового" и "реакционного", "правого" и "левого".

С XVI по XIX век борьба за человека, за свободу обязательно включала в себя борьбу за освобождение от омертвевших тканей церкви и религии. И это понятно: Бог стоял над человеком, как деспот и жандарм, церковь освящала земной гнет и тиранию, сотрудничала с властью, религия ставила предел дерзаниям вольного духа и свободной мысли, поддерживала ханжескую ретроградную мораль. Слово "Разум" было начертано на знамени борцов за свободу, слово "Вера" - было написано на стягах их врагов. Но сейчас, когда разум, призванный просветителями на бой против цепей веры, пульсируя от унижения к величию, достиг предела своей гордыни и сам превратился в самодовольного идола, - освободительное движение исчерпало этот свой могучий антиклерикальный источник, эту свою великую правду. Если в XVIII веке "атеизм" был синонимом вольномыслия, нонконформизма и жажды истины, то сегодня за ним нередко таится опустошенная усталость, дань привычке, бессилие верить, конформизм и индифферентизм небытия. Поэтому ныне необходимо переосмыслить былую славную антиклерикальную и богоборческую традицию освободительного движения и преодолеть сложившийся тогда стереотип о том, что "критика религии есть начало всякой критики"/Маркс/.

Ругать с е г о д н я религию - отчасти стрелять из пушек по воробьям, отчасти же - служить новым языческим идолам и кумирам в одевании новых пут на человека. Я не призываю к примирению и союзу с религией и церковью, я лишь указываю на очевидный факт. После того, как Ницше с болью врача, ставящего смертельный диагноз, констатировал, что "Бог умер"; после того, как в обществе воцарилось новое суеверие - суеверие науки; после того, как рабское мракобесие и истинная религиозность в XX веке не раз расходились по разные стороны баррикад /вспомним и русских религиозных мыслителей-вольнодумцев начала века, третируемых церковью, и левокатолическое движение "теологии освобождения" в Латинской Америке/ - после всего этого необходимо существенно скорректировать отношение анархистов к религии. К религии, говорю я, но не к церкви, не к этому казенному, отвратительному, прогнившему, связанному с государством и благословляющему войны институту чиновников в рясах, к тому институту, который так усиленно подкармливается и гальванизируется в ельцинской Росии.

Свободу нельзя ни "доказать", ни "опровергнуть" - в нее можно только верить, ее можно только осуществлять - или отворачиваться и бежать от нее.

Итак, попытка Кропоткина построить анархизм как грандиозную и законченную научную систему, не увенчалась успехом. Но это не означает, что анархическое мировоззрение невозможно - это означает лишь, что оно невозможно, как жесткая, догматическая и рациональная доктрина. Основополагающие ценности анархизма: личность и свобода, требуют для своего теоретического выражения открытого, динамичного и развивающегося мировоззрения.

Ведь невозможны ни "наука о свободе", ни "общая теория личности" - поскольку свобода непредсказуема, а личность уникальна. Нельзя "предписать" свободу и "просчитать" личность - можно лишь бороться с несвободой и с безличностью.

Не люблю сложных терминов, и все же позволю себе употребить один из них - слишком уж он уместен. В традиционном христианском богословии имеются две части: "катафатическая" и "апофатическая"; первая из них описывает позитивные атрибуты Бога, вторая же- напротив, показывает, чем Бог не является, к чему он не сводится. Знаменитое и загадочное штирнеровское определение личности как "творческого Ничто" - сугубо "апофатично", ибо подчеркивает принципиальную необъективируемость, неописуемость, невыразимость личности. И, по моему глубокому убеждению, анархизм сегодня, отказываясь от претензий на "сугубую научность", может существовать /и будет существовать, пока живо в людях стремление к свободе/ именно как "с о ц и а л ь н а я и а н т р о п о л о г и ч е с к а я а п о ф а т и к а", включающая три основных части:

I/ общие ценности, указывающие на вектор движения: стремление к недосягаемому, но манящему - к полному освобождению личности;

2/ критические положения о том, что мешает и препятствует личности на пути к освобождению;

3/ конкретные предложения по поводу возможного продвижения в желаемом направлении.

При этом очевидно, что в то время как первая часть всегда остается для анархистов незыблемым символом веры, вторая и третья части /выделяемые, конечно же, весьма условно/ должны непрерывно обновляться и пересматриваться, поскольку непрерывно меняется и сам человек, и окружающий человека мир. Это, как никто, глубоко и страстно ощущал и выразил Бакунин со своей интуицией "негативной диалектики". Когда его однажды спросили - что он будет делать в "совершенном обществе", он, не задумываясь, ответил: "Все опрокину!"

Мы можем сказать - что есть зло, отчуждение, несвобода, но никогда не можем сказать - что есть свобода и что есть личность иначе, как "формально" и "апофатически". "Личность не есть объект. Личность - это то в каждом человеке, что не может рассматриваться как объект" - подчеркивал основоположник персонализма Э.Мунье.

Дело анархизма - освободить /точнее, непрерывно освобождать/ личность и не претендовать на "большее", поскольку "большее" будет неизбежно или утопическими иллюзиями или казарменной регламентацией. Штирнер гениально выразился по этому поводу, когда заметил: не спрашивайте меня, что будет "потом"! Что сделает узник, выпущенный из темницы? Что сделает ребенок, повзрослев? Кто знает! Использует ли он во благо или во зло полученную свободу? Неизвестно. Никто не дает гарантий - кроме тех, кто мечтает о казарме, в которой все ходят строем и на сто лет вперед знают, что сделает каждый из них /да и то возможны незапланированные побеги или самоубийства/. "А бойтесь единственно только того, кто скажет: я знаю, как надо!" /А. Галич/.

Таким образом, задача анархизма в философии и социологии, как "апофатического", открытого учения - расчистить путь для свободного человека, коль скоро догмат анархической веры: свободная личность в свободном обществе. Анархическая критика существующего общества с позиций последовательного отстаивания прав личности безусловно отвергает насилие над личностью, тем более, насилие "упорядоченное", узаконенное и институционализированное: рабство, управление и эксплуатацию во всех известных формах и видах, не идеализируя при этом ни существующего человека, ни общества - нынешнего и будущего. Анархизм декларирует свои основные ценности и цели - недосягаемые вполне, но всегда манящие, - разворачивает огонь своей критики и предлагает конкретные пути и механизмы для продвижения в желательном направлении. Анархизм по своей сути - адогматическое, апофатическое, расчищающее путь мировоззрение, исполненное пафосом свободы и борьбы. Анархизм основан на убеждении в том, что, если возможно нечто "хорошее" - то лишь основанное на свободном выборе и на творчестве личности.

Ликвидация опеки над личностью и отчуждения личности во всех его формах - основной постулат анархизма \при этом необходимо отказаться от старых иллюзий о "гарантированности" прогресса и от "финалистических" утопий\. Е с л и прогресс вообще возможен, е с л и возможно какое-то благо, то на путях свободы, а не рабства, опеки и очуждения - таково должно быть сегодня обновленное анархическое кредо.

Широкий синтез, диалогичность, выдвижение в центр своих построений проблемы личности и приведение в соответствие либертарной социологии и персоналистически-индивидуалистической философии - таковы, по моему убеждению, важнейшие задачи, стоящие сегодня перед анархической мыслью. Не отрицая важной роли разума, необходимо отказаться от просветительски-позитивистского рационализма как от главного теоретического орудия анархической мысли, равно как и от сциентистских попыток придать анархическому мировоззрению строгую "наукообразность" и вогнать его в прокрустово ложе какой-то одной доктрины. Пусть марксисты кичатся своими "научностью" и единообразием, пусть они молятся на Священное Писание своих классиков, пусть исключают друг друга из партии за различное понимание категории "материи" \как Ленин исключил Богданова\ - анархистам смешна и отвратительна подобная унификация. Мир многолик, личности уникальны и несводимы к своему интеллектуальному началу или к одной из своих социальных ролей - а поэтому анархизму следует существенно обновить свой теоретический инструментарий, свою методологию, пересмотреть многие теоретические основы своей философии. А для этого необходима идейная терпимость, открытость и динамизм, широта взгляда и способность к постоянному самообновлению, самокритике и к диалогу с близкими течениями мысли.

На знамени анархизма с момента его возникновения были написаны великие слова: "Самоосвобождение личности"; анархизму принадлежит заслуга смелой и всеобъемлющей критики современного общества и таких его бесчеловечных проявлений, как государство, милитаризм, эксплуатация, семья, духовное порабощение личности. Однако многое, как в конкретных построениях и предложениях анархической мысли, так и в общетеоретических основах, сегодня безнадежно устарело, не выдержало проверки огненным дыханием времени и пришло в противоречие с высокими целями анархизма.

Это противоречие вполне осознал уже Алексей Боровой в начале XX века. Указывая на великую цель, провозглашенную анархизмом, и на огромную критическую работу, проделанную им, Боровой вместе с тем указывал на теоретическую разногласицу и пестроту среди анархистов, и на "убожество средств", предлагаемых для "скачка в светлое будущее". Констатируя все это, Боровой подчеркивал: "И анархизм должен найти в себе мужество перед лицом своих друзей и своих врагов признать свои слабые стороны. Анархизм - мировоззрение, исполненное такой силы и жизни, которая устоит перед любой критикой, которому нечего страшиться".

V

Осуществим ли анархизм, или это утопия?

Вопрос этот можно понимать двояко, и ответ будет двояким. Анархизм как "конечная цель", как станция назначения, анархизм как научная система, как воплощение Царства Божия на Земле, как достижение абсолютной свободы, как превращение масс раболепствующих савлов в гордых и свободолюбивых павлов - возможен ли он? XIX век мог разделять эту иллюзию, эту надежду, мы - нет. Такой анархизм - невозможен.

Но если под анархизмом понимать вечное движение, движение не "массы", но личностей, неутоленную жажду свободы, неприятие подлости и рабства существующего, вечный бунт и вечное дерзание - то ответ будет другой: анархизм не только возможен, но он уже есть, он вечен, он будет, пока хоть в одном человеке будет биться и трепетать искра этого прометеева огня.

Пусть даже дилемма, сформулированная в начале века Розой Люксембург в виде вопроса: "Социализм или варварство?", сейчас разрешена неумолимой историей в пользу варварства - это не повод для капитуляции. Пусть кругом темно, но это не означает что тьму следует признать нормальным явлением. Свобода, личность - есть чудо во тьме вселенной. Посмотрите на костер. Костер прекрасен, полезен, он греет и поддерживает нас, но чудо в

нем - именно в первой искре, зажигающей свет во мраке, из ничего создающей нечто.

Иллюзия "конечной цели" не только недостижима, но вредна. Как дико, как нелепо читать и слышать то и дело инфантильно-самоубийственное: "Но придет блаженное время, когда сбудутся все мечты и воцарится гармония между людьми и внутри людей!"

"Наши предки лезли в клети
И шептались там не раз:
"Туго, братцы... Видно, дети
Будут жить вольготней нас!"
/Саша Черный/

Не живя сейчас, труся, предавая, подличая, уклоняясь сейчас - верят в чье-то будущее. Какие есть основания для этой веры? И согреет ли нас сегодня послезавтрашнее гипотетическое тепло?

Сто лет назад на заре нового века люди видели приближение счастья и свободы, а этот век оказался веком фашизма и мировых войн, веком утонченного, обоснованного и систематизированного людоедства, веком обмельчания и одичания человечества. Так неужели же сейчас мы можем с той же надеждой всматриваться в "новую зарю" - зарю нового тысячелетия?

Как можно верить, положиться, опираться, вообще связываться с такой безнадежной, ненадежной и убийственной субстанцией, как время? Лечь в реку времени, отдаться ее волнам и плыть по течению, куда вынесет, убаюкивая себя надеждами и сняв с себя ответственность. А пока: "уходит наш поезд в Освенцим, сегодня и ежедневно". А пока - творятся мерзости и подлости - вокруг нас, - и мир летит кувырком к чертовой матери. Не где-нибудь, не когда-нибудь. Здесь и сейчас.

Время - довольно странный лекарь. Подобно деревенским врачам, рекомендующим от всех болезней какое-то одно простое средство, например, горчичники или касторку, оно знает одно-единственное радикальное лекарство - от боли, от любви, от всех проблем - ампутацию.

Так стоит ли жаловаться на "тяжесть нынешнего времени" - коль скоро мы не творим этого времени, не держим его на плечах, как Атланты в Эрмитаже, - а дезертируем, претерпеваем его, как овцы претерпевают бойню, и плывем по его течению? Нам ли жаловаться на его ношу?

И еще - достижение "конечной цели" анархизма, осуществление во времени его чаяний, означало бы смерть личности, смерть свободы, ибо никогда личность не перестанет дерзать и развиваться, никогда не смирится с бездушием и несправедливостью мира, никогда не признает окружающее общество "совершенным". Да, прав был в этом Эдуард Берштейн - для анархизма поистине "конечная цель - ничто, движение - все".

"Что же, - скажите вы, - зачем нужен отказ от цели, апология движения, движения - в никуда?" Но это не так. Попробуйте-ка добежать до горизонта. Не такое уж это праздное и никчемное занятие. Просто за одним горизонтом вам откроется второй, и третий. Ведь в самой жизни движение идет от рождения к смерти, однако не смерть, но жизнь является нашей целью, в жизни ищем мы смысл ее, - не в конце, не над нею, а в самой жизни, в движении, но в движении осмысленном, одухотворенном, хотя и безнадежном. И потом - движение, предлагаемое анархическим мировоззрением - не есть дурная бесконечность "движения в никуда", без руля и без ветрил, - но полное смысла стремление к горизонту, расширение свободы, опрокидывание рамок и разбивание цепей - бунт безнадежный, но не бессмысленный! Смысл и цель - не одно и то же.

Алексей Боровой писал: "Каким бы малоценным был мир в наших глазах, если бы мы знали наперед, что он имеет определенный конец, и что наша жизнь есть только подготовка к этому концу с его окаменевшими совершенствами. Что могло бы воспитать в нас подобное знание - кроме презрения к собственным судьбам или сытого фатализма?

Нет! Вечная борьба, призыв к будущим творцам, бескрайность будущего, вот - маяки анархизма! И пусть всегда будут и новая земля, и новое небо и новая тварь"

А его современник-поэт выразился короче: "Смысл - не в счастье, смысл - в исканьи, цель - не здесь, вдали всегда..."

Один мой знакомый как-то сказал мне: "Я разочарован в анархизме, потому что вижу, что массы не проявляют желания самоорганизовываться и бороться за свои права". Опять и опять тоже - упор на внешнее, "объективное", от нас не зависящее - на некое "светлое будущее", на хорошую /или нехорошую/ массу, на время, на науку, но только - не на себя, не на свои силы, ценности, творчество и свободу. После этого немудрено, что анархизм кажется "утопией". Но - "бей в барабан и не бойся" - сказал Гейне.

Как часто анархизм называют красивой, но утопической и "недостижимой" мечтой! Я полагаю, что это неверно. "Недостижимость" и "утопизм", конечно, имеют место - если не отказаться от конструирования "конечной цели"; но если понимать под анархизмом мировоззрение, отказавшееся от слепой и вредной веры в "конечную цель" и в "благой прогресс", если понимать анархизм, как открытое, зрячее и динамическое мировоззрение /а слепец не может быть свободным!/, одушевленное пламенем свободы, непрерывно самообновляющееся и само себя критикующее, наконец, как мировоззрение действенное и действующее - ибо только в действии можно преодолеть и "внутреннюю", и "внешнюю" несвободу человека - то от "утопизма" не останется и следа: анархизм оказывается в высшей степени реалистическим, действенным и плодотворным мировоззрением.

Надо только помнить: мы не вне мира, а в самом его средоточии. Мы есть одна из сил этого мира, один из его бесчисленных автономных центров. И мы свободны, и мы в ответе за этот мир. И тогда мир изменится. И изменимся мы. А посему: "будьте реалистами - требуйте невозможного!"

Понятно, что т е о р е т и ч е с к и нельзя ни доказать, ни опровергнуть того, что человек достоин быть свободным и способен освободиться от насильственной опеки /прежде всего - со стороны государства /. Тем более, сложно говорить о всех людях и за всех людей. Появление анархизма, как учения и движения, само по себе - многозначительный признак того, что человечество в лице своих отдельных представителей все менее склонно терпеть невыносимый гнет государственного рабства, и все большее число людей осознает, что - пусть "так есть", но - "так не должно быть": появляются несогласные, протестующие, начинают "безнадежную" борьбу, предлагают альтернативы, и "настоящее положение" /казавшееся естественным и незыблемым/ обнаруживает свою гнилость и неустойчивость и начинает меняться. Именно личность является центром, двигателем и творцом этой и всякой общественной борьбы. Ведь жизнь не статична, но полна динамизма. Если мы будем активны, мы можем пасть, но никогда не будем пассивными "жертвами" и "соучастниками", никогда не покоримся Молоху истории.

Важно именно это движение, эта непрекращающаяся борьба, бунт, духовный максимализм и жажда свободы, несогласие принимать существующее общество с его властью и эксплуатацией, с его манипулированием и отчуждением человеческой личности. Именно этот святой пафос самоосвобождения личности привлекает к анархизму сердца людей, вопреки всей клевете, которую возводит на анархизм казенная пропаганда.

Однако, пора мне завершать это первое "Анархическое письмо", в котором "ересь" от анархизма чередуется с повторением надежно забытых истин. И вот "вывод" напоследок:

АНАРХИЯ НЕВОЗМОЖНА, АНАРХИЗМ ВЕЧЕН!

1956-1996: 40 ЛЕТ ВЕНГЕРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ВЕНГЕРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1956 ГОДА И РАБОЧИЕ СОВЕТЫ

Франк МИНТЦ

Конец второй мировой войны вызвал к жизни попытки установить рабочее управление на покинутых хозяевами предприятиях во Франции, Германии, Венгрии и других странах. Нужно было быстро возобновить производство, чтобы удовлетворить самые насущные потребности дезорганизованного населения. Но это была эпоха консенсуса между западными и советскими империалистами. Поэтому коммунистические партии в каждой из стран были против продолжения оккупации фабрик рабочими и рабочего управления.

Единственным исключением с 1950 года была Югославия... "После разрыва югославской компартии с Москвой правящий класс, свободный от необходимости послушно выполнять советские директивы в деле организации и государственной экономики, столкнулся с необходимостью сделать значительные уступки как крестьянам, так и рабочему классу", - отмечал анархист-эмигрант Павел Зоркин... "В титоистской системе под прикрытием "рабочих советов" производители остались отделены от собственности на средства производства, ...югославские рабочие остались наемными работниками". Социолог-диссидент Руди Супек писал: "Самоуправление было установлено сверху, а не югославским рабочим классом..." По словам Любомира Тадича, "...несмотря на объективные возможности для подлинно демократического процесса, перемены были только видимыми, без глубоких последствий. Сохранялся тот же тип политической структуры, что и в других так называемых социалистических странах - структура партии, несмотря на конфликт Югославии со сталинизмом, не претерпела значительных изменений..."

Глубинная проблема состояла и в том, что режим применял закон рынка при установлении цен, поощряя конкуренцию между коллективами... Уровень жизни... падал. Для того, чтобы уменьшить общее социальное давление на коммунистов, Тито предпочел разделить страну на 8 отдельных частей - 6 республик и 2 автономных края. "Бюрократия увосьмерилась", - замечал Тадич.

Режим скрыто и постоянно не доверял трудящимся, о чем свидетельствует юридический арсенал, навязанный самоуправлению. Диссиденты... подвергались репрессиям. Искра вспыхнула в 1968 году, параллельно с событиями во Франции. Студенты Белграда - по большей части дети рабочих и крестьян - вышли на улицы: "Мы - дети трудящихся", "Долой социалистическую буржуазию!", "Свобода печати и манифестаций!"... Общая социальная критика требовала самоуправления не только на предприятиях, но и в политической жизни. Реакция режима была жестокой, а цензура сделалась еще бдительнее.

Югославское самоуправление оказалось двойным мифом для других марксистско-ленинских стран. Для руководителей самоуправление стало способом управлять без СССР и при поддержке трудящихся; трудящимся самоуправление представлялось системой, направленной против руководителей и против внешней эксплуатации, то есть против СССР.

Именно этим видением вдохновлялась отчасти борьба в марксистско-ленинских странах. Первый толчок произошел в Восточной Германии после 17 июня 1953 года. Стачка, начатая рабочими-домостроителями на Сталин-аллее в Восточном Берлине, распространилась на всю страну. В Берлине сформировались стачкомы... Они потребовали отмены 10-процентного увеличения производственных норм, снижения на 40 процентов цен на продукты питания и другие товары, отставки правительства и проведения свободных выборов. Министр Зельбманн попытался успокоить трудящихся, заявив им: "Товарищи, я тоже рабочий, коммунист". Но они ответили ему: "Ты им больше не являешься. Настоящие коммунисты - это мы".

В Бранденбурге строители и рабочие верфей создали стачком. 20 тысяч рабочих прошли по улицам, освобождали политзаключенных, разоружали вяло защищавшуюся полицию. В Лейпциге дело зашло еще дальше, были захвачены радио и полицейское управление. Подобные сцены можно было видеть также в Росслау, Иене, Халле, Гере, Эрфурте, Мерзебурге, Биттерфельде. В Магдебурге полиция и русские открыли огонь. Вмешались советские танки. Они расстреляли рабочие манифестации. При этом было заявлено, что капиталисты и другие реакционные силы попытались свергнуть рабочую власть.

В 1956 г. марксистское самодержавие было потрясено еще более мощным толчком. В июне в Польше во время международной ярмарки в Познани трудящиеся многих заводов вышли на демонстрацию, разоружали полицию и скандировали: "Да здравствует свобода! Хлеба и справедливости! Долой СССР! Свободу кардиналу Вышинскому!" Радио было захвачено рабочими, судебные архивы уничтожены, заключенные выпущены на свободу. На предприятиях возникли рабочие советы. Армия, верная "трудящимся", то есть партии, подавила восстание. Официальный итог: 113 убитых.

Начиная с этого момента развернулся тройной процесс. Польские трудящиеся требовали рабочих советов. Польские и русские руководители пытались направить недовольство в приемлемое для себя русло. Другие марксистско-ленинские страны стремились избежать польской заразы.

Проследим теперь за развитием событий в Польше и Венгрии.

В Польше 28 июня премьер-министр объявил, что в Познани имела место "преступная провокация", но признал, что имелись "жалобы и недовольство на некоторых предприятиях по причине экономических трудностей и нехватки многих продуктов". В Венгрии ЦК партии подверг 30 июня критике некоторых интеллигентов и молодых коммунистов (кружок Петефи), которые поставили под сомнение руководящую роль партии. ЦК подчеркнул, что "познаньская провокация - это предупреждение для каждого венгерского рабочего, каждого честного патриота".

В июле в Польше и в Венгрии были сняты премьеры и их правительства. В сентябре премьером и главой польской компартии был назначен бывший коммунистический политзаключенный, весьма популярный Гомулка. Он признал рабочие советы. Но при этом им была отведена всего лишь роль в обеспечении производительности труда и распределении премий. На девятом пленуме польской компартии в мае 1957 г. Гомулка пояс-

нял: "Рабочие советы, построенные вертикально до самого верха, во всех отраслях народного хозяйства, должны быть обязательно увенчаны высшей центральной инстанцией. Должно ли правительство выполнять эту функцию? Правительство не может быть высшей инстанцией для общественных организаций, таких как рабочие советы. Остается только назначить другой центральный орган с помощью прямых и косвенных выборов. И тут мы внезапно обнаруживаем, что вся эта концепция ведет нас по ложному пути. Оказывается, что правительство должно перестать заниматься народных хозяйством. Короче говоря, вся эта концепция - анархистская утопия. Я думаю, что не следует больше дискутировать на сей счет". Несколько лет спустя Гомулка созвал "конференцию по рабочему самоуправлению" - простой фасад, полностью контролируемый партией, вплоть до возникновения "Солидарности" в 1980 г.

19 сентября 1956 г. Хрущев неожиданно посетил Тито в Югославии. 27 сентября, не менее неожиданно и странно, Тито приехал в СССР, чтобы встретиться не только с Хрущевым, но и с первым секретарем венгерской компартии. Какой торг мог стоять за столь стремительным сближением после кровавого разрыва в 1948 году? Вероятно, СССР стремился обеспечить нейтралитет Тито и югославского самоуправления как символа в случае потрясений в русских колониях в обмен на экономические уступки. Во всяком случае, с сентября 1956 г. Югославия никогда не пыталась использовать выгоду ситуации в противовес СССР...

Однако, все предостережения русских, венгерских и югославских руководителей оказались тщетными. 6 октября тела Ласло Райка и трех его товарищей, осужденных на смерть и казненных в ходе процесса 1949 г. за измену и шпионаж в пользу Великобритании, были эксгумированы и вновь погребены с воинскими почестями. 12 октября был арестован один из вдохновителей процесса над Райком. 14-го крупная делегация во главе с первым секретарем венгерской компартии отправилась в Югославию. Пресса запестрела репортажами о новой дружественной стране. Диссидентские коммунистические кружки с интересом обсуждали югославское самоуправление. 19 октября правительство объявило о серии университетских реформ, было отменено обязательное преподавание русского языка.

В отличие от Восточной Германии и Польши, партия в Венгрии - с согласия Москвы - играла в разрядку, чтобы направить скрытый гнев трудящихся в безопасное для себя русло. Причину краха партии - хотя в капиталистических странах такая тактика приносит успех - следует искать, возможно, в том, что партия представляла *центральную власть.*

23 октября правительство разрешило манифестацию в поддержку польских трудящихся, хотя перед этим запретило ее. Секретарь компартии был освистан, когда заявил, что отношения с СССР строятся на основе равенства. Толпа начала крушить статую Сталина, стоявшую на пути демонстрации. Опасаясь, что силы безопасности (АВХ) не справятся, партия обратилась к армии. Солдаты отказались стрелять и роздали оружие демонстрантам. Между вооруженными гражданскими лицами и агентами АВХ начались столкновения.

24 октября в Будапеште вспыхнули бои. Правительство ввело чрезвычайное положение. Назначенный премьер-министром либеральный коммунист Имре Надь призвал по радио к прекращению столкновений - безуспешно.

25 октября представители Кремля Микоян и Суслов прибыли в Будапешт в попытке урегулировать ситуацию. На улицах столицы продолжались бои между агентами АВХ, которых поддерживали советские войска, и венгерскими трудящимися. Часть советских солдат отказалась стрелять. Внезапно стали появляться рабочие советы, не подчинявшиеся какой-либо официальной власти.

Проследим теперь, как возникли рабочие советы и как они развивались параллельно с коммунистической реакцией.

Правый французский автор Раймон Арон справедливо заметил: "*Эти революционеры выступали за идеалы режима, против которого боролись*". Вопреки тому, что утверждала коммунистическая пропаганда, ни разу не было попыток вернуть средства производства бывшим капиталистическим собственникам. Возможно, замечалось усиление антисемитизма, поскольку среди высших руководителей были евреи, но ни в поступках, ни в изданиях это никак не отразилось.

После 22 октября кружок Петефи, состоявший из коммунистов-диссидентов, заявлял, что партия должна демократизироваться, чтобы "защищать законные надежды рабочего класса, ввести самоуправление на предприятиях и установить подлинную рабочую демократию". В его требованиях было также 9 других пунктов, но они были менее значительными. 23 октября во время демонстрации представитель Союза писателей (организации, созданной партией, но полностью диссидентской) зачитал 7 пунктов манифеста о независимых отношениях с СССР, выходе из экономического кризиса, демократизации партии, а также о том, что "предприятия должны управляться рабочими и специалистами. Унизительная система зарплаты, норм и социального страхования должна быть реформирована. Необходимо, чтобы профсоюзы стали подлинными представителями интересов венгерского рабочего класса".

На следующий день в Будапеште, несмотря на уличные бои и молчание правительства, на электроламповом заводе возник первый рабочий совет. Необходимо подчеркнуть, что в то время большая часть венгерской промышленности сосредотачивалась на окраинах Будапешта. Во время официального визита венгерской делегации в Югославию "рабочие венгерской столицы узнали, что в Югославии предприятия возглавляются рабочими советами. И если в этой стране рабочие могут рассматриваться как подлинные хозяева предприятий, почему, говорили они, это невозможно и в Венгрии?" (воспоминания Ференца Текей, избранного одним из руководителей Центрального рабочего совета Большого Будапешта).

25 октября советы появились на всех предприятиях, свободное радио призвало создавать их повсюду. Бои продолжались, на этот раз между советской артиллерией и трудящимися Будапешта.

26 октября советы продолжали распространяться, бои продолжались. Чтобы избежать полного хаоса, правительство объявило о беспрецедентных мерах: переговорах с СССР о "независимых" отношениях, выводе русских войск, согласии на проведение "выборов в рабочие советы на предприятиях через посредство профсоюзных органов", повышении заработной платы, "амнистии для всех участвующих в вооруженной борьбе при единственном условии - немедленной сдачи оружия".

В действительности, во всем, что касалось рабочих советов, правительство шло за уже свершившимися событиями, и, согласно, Текей, "рабочие не стали прислушиваться и избирали своих собственных кандидатов" в советы.

Между 27 и 30 октября, согласно Франсуа Фейте, автору книги "Будапешт 1956", происходил "настоящий взлет советов и революционных комитетов по всей стране", не только на фабриках и заводах, но в министерствах, посольствах, даже армией руководил совет, изгонявший прорусских офицеров. Выдвигались требования нового правительства, сформированного в результате свободных выборов, которое бы выполнило "требования рабочих советов и студенческих парламентов страны" (программа рабочего совета и студенческого парламента провинции Боршод, 28 октября 1956 г.)

Эволюция правительства либерального коммуниста Имре Надя также была стремительной. 28 октября оно распорядилось о прекращении огня и выводе русской армии из Будапешта, поддержание порядка возлагалось на правительственные силы - венгерские военные группы в полном согласии с повстанцами. 29-го вернулись Микоян и Суслов, русско-венгерская декларация подтверждала дружбу между двумя странами, несмотря на допущенные ошибки. 30 октября Имре Надь при поддержке первого секретаря партии Яноша Кадара объявил по радио, что "правительство отменило однопартийную систему и решило, что должно вернуться к системе правления, основанного на демократическом сотрудничестве коалиционных партий, существовавших в 1945 году". Он объявил о включении в правительство двух министров от партии мелких хозяев, одного от национал-крестьянской партии, один портфель был оставлен за социал-демократической партией, которая возродилась тем же вечером.

В течение недели рухнула монолитность выборов, давших 99 процентов голосов за компартию и полную поддержку Советского Союза. Все это оказалось всего лишь фасадом, ложью, навязанной оружием тайной полиции и советского колониализма. Нигде не было выступлений коммунистов за провалившуюся систему. Имре Надь, каковы бы ни были его намерения, приспособился к требованиям народной революции.

Однако в начале ноября советская армия вмешалась, чтобы восстановить "свой" порядок. В то же время французские и английские войска сделали то же самое, чтобы завладеть Суэцким каналом. Каждый империализм действовал в соответствии со своими практическими и идеологическими интересами.

4 ноября "красная" армия захватила столицу и сформировала новое правительство во главе с Кадаром, который стал говорить диаметрально противоположное тому, что утверждал за 6 дней до этого, но в соответствии с привычной пропагандой. Политическое многообразие было похоронено. В то же время Кадар заявлял: "На основе более широкой демократии должно быть осуществлено рабочее управление на фабриках и заводах".

Но военное и политическое поражение еще не было поражением экономическим. Рабочие советы продолжали действовать, они стали координировать свою работу, отказывались признавать новое правительство и требовали возвращения Имре Надя, укрывшегося в югославском посольстве. Парадоксальным образом, создание прочной координации (чего требовали в Боршоде еще 28 октября) произошло лишь 12 и окончательно 14 ноября. "Выборы делегатов происходили демократическим путем, снизу вверх. Сначала на предприятиях рабочие сами отбирали из членов рабочего совета тех, кто поедет на конференцию. Решение принимал не совет, а общее собрание рабочих.", - так описывает Балаж Надь формирование Центрального рабочего совета Большого Будапешта, который представлял почти все фабрики и заводы. Было объявлено о продолжении стачки до тех пор, пока не будут удовлетворены требования Центрального рабочего совета - возвращение правительства Имре Надя, вывод советских войск, восстановление политического многообразия.

Ответ Кадара Центральному рабочему совету, согласно Текей, был следующим: "Вы имеете право не признавать мое правительство, это неважно. Меня поддерживает советская армия, вы вольны делать то, что пожелаете. Если вы не будете работать, это ваше дело. Здесь, в парламенте, у нас достаточно еды и света". Трудящиеся оказались в тупике. Они добивались удовлетворения своих требований до 19 ноября. Но ничего не произошло, и они молча вернулись на работу. В конце ноября Центральный рабочий совет выпустил документ в противовес правительственной декларации о том, что профсоюзная деятельность должна быть чисто экономической: "Мы можем заявить, что подлинные интересы рабочего класса представлены в Венгрии рабочими советами и что, с другой стороны, не существует другой политической власти, столь же прочной , как их власть".

Два текста можно считать характерными для понимания духа венгерских трудящихся, создавших советы.

Венгр под псевдонимом Панноникус писал в журнал "Социализм и варварство": "Бросается в глаза другой феномен - высокий процент молодежи в советах. Молодые рабочие в возрасте 18-30 лет были наиболее активным революционным элементом на предприятиях. Они еще меньше, нежели другие, могли поддерживать чудовищное подавление, атмосферу принуждения и террора, которая царила на предприятиях...

Советы на предприятиях были экономической базой забастовки. Они продолжали выплачивать зарплату, повысив ее для всех на 10 процентов (они немедленно приступили к выполнению требований), организовали снабжение продуктами питания, наладив прямой торговый обмен с крестьянами с помощью конвоев грузовиков, осуществляли распределение продуктов на самих предприятиях. Наиболее бедным рабочим семьям советы оказывали немедленную помощь.

В период нескольких дней революции система советов организовалась с небывалой быстротой. Сначала они возникали на предприятиях, затем делегаты с предприятий назначали советы районов, делегаты от которых, в конечном счете, образовали Совет Большого Будапешта (то есть столицы с ее окрестностями, где проживало около 2 миллионов человек, в том числе большая часть венгерского рабочего класса)".

Панноникус приходит к следующим заключениям: "Революционное самоуправление рабочих - непременное условие любого восстания, любой народной борьбы, факт, который, к сожалению, не был признан венгерскими политиками, писателями и интеллигентами. Во-вторых, при любом режиме система, которая называет себя социалистической, но исключает прямое участие рабочих масс или действует вопреки им - обман. В-третьих, опыт рабочих советов показал, что спокойная и мудрая политика, работа по организации экономики могут осуществляться только автономными и свободными рабочими, которые сами управляют собой. В-четвертых, руководство страной может быть доверено рабочим, наравне с другими социальными слоями и в сотрудничестве с ними. В-пятых, историю рабочих советов нужно изучать в деталях, потому что без знания их опыта в целом и в частностях никто не может называться социалистом."

Балаж Надь высказал свое мнение об испанской революции: "Я должен признаться, что, несмотря на свою принадлежность к партии, которая никогда не переставала ссылаться на славу борьбы в Испании, о чем говорилось много раз, я не знал о великих делах испанской революции...

Какое сходство между испанской и венгерской революциями! Эти советы и революционные комитеты..., как бы они ни различались по названию, происхождению и составу, имели одну общую черту. Все они в дни, последовавшие за восстанием, взяли всю власть на местах, точно так же, как и в венгерской революции... Во всяком случае, одно бесспорно, несмотря на фальсификации и клевету, даже несмотря на неясности, есть действительно единая линия, пусть даже не всегда прямая, которая соединяет наиболее крупные революционные события в нашей современной истории: Парижскую коммуну, российскую революцию и последовавшие за ней революции китайскую, испанскую, революционную волну 1956 года в народных демократиях и, конечно же, венгерскую революцию".

(Перевод В.В Дамье)

РАБОЧИЕ СОВЕТЫ ОРГАНИЗУЮТ СОПРОТИВЛЕНИЕ

-из книги ***The Hungarian Revolution 1956. Cardiff, Scorcher Publications, 1984***

Рабочие были побеждены неумолимо надвинувшейся из-за рубежа военной силой, но они все еще контролировали производство... После русского вторжения рабочие советы реорганизовались, образовав региональные советы, игравшие политическую роль. Рабочий совет завода "Чепель" направил делегацию к Кадару и командованию советской армии. Общее требование советов состояло в том, что рабочие должны управлять своими предприятиями, чтобы гарантировать сохранение власти в своих руках. 12 ноября контакты привели к идее сформировать Центральный рабочий совет (ЦРС) Большого Будапешта, который и был создан 14 ноября на конференции, состоявшейся на электроламповом заводе. Молодой венгерский интеллигент Миклош Крашшо рассказывает, что он первый подал идею ЦРС, но он же сам рассказывает о том, как на конференции его поставили на место.

"Председатель, человек пожилой и демократичный, спросил "С какого ты завода?". "Ни с какого", - отвечал я. "По какому же праву ты здесь?" Я ответил, что действительно организовывал конференцию. Председатель заметил: "Это неважно. Эта встреча была исторической неизбежностью"." ЦРС стал неизбежным результатом объединительных усилий советов. Идея Крашшо совпадала с направлением рабочего движения.

Все делегаты были инструментальщиками, токарями, металлургами, инженерами. На следующий день состоялось новое, расширенное заседание. Некоторые делегаты хотели создать общенациональный Рабочий совет для всей страны. Хотя большинство было согласно с этим, кто-то заметил, что императивный мандат есть только на создание ЦРС Большого Будапешта. Рабочие советы были задуманы как подлинно демократические органы: "для венгерских трудящихся и их делегатов наиболее важным аспектом советов было их демократическое функционирование. Между делегатами и рабочим классом в целом поддерживался тесный контакт: делегаты избирались только для осуществления требований трудящихся. Можно отметить, что рабочие часто переизбирали делегатов, которые нарушали свой мандат. Рабочие не любили делегатов, которые брали на себя слишком большие полномочия", - замечал Билл Ломакс.

На этом заседании избранный председателем Шандор Рац заявил: "Нам не нужно правительство! Мы - руководители Венгрии и останемся ими!" К сожалению, большинство склонялось к компромиссу с оккупационными войсками и переговорам с марионеточным правительством Кадара. По предложению того же рабочего совета завода "Чепель" было принято решение возобновить работу, чтобы продемонстрировать, что забастовщики организованы и настроены серьезно. У многих трудящихся это вызвало негодование, появились обвинения в предательстве.

Столкнувшись с реальной властью советов, правительство Кадара попыталось разрушить их и

восстановить авторитарную власть на предприятиях. Борьба продолжалась в течение 2 месяцев. 9-ый и 11-ый пункты "Революционной рабоче-крестьянской" программы Кадара провозглашали "рабочее управление предприятиями" и "свободные выборы в рабочие советы". Кадар и его контрреволюция скрывались за красивыми словами... ЦРС вступил в прямые переговоры с главой советских войск Гребенником и передал ему список арестованных членов, русские вынуждены были их освободить. Советские представители понимали, что сила - у советов, а не у Кадара. Вначале Гребенник объявил делегатов рабочих советов фашистами и агентами империализма. Но в итоге советский полковник и переводчик стали постоянными представителями при ЦРС. Именно советы, а не правительство Кадара переправляли питание и медикаменты.

18 ноября появился план создания общенационального совета - "парламента рабочих советов". Он должен был насчитывать 156 членов - делегатов от рабочих советов районов Будапешта, важнейших регионов и предприятий. Этот орган должен был избирать президиум из 30 членов, который кооптировал также в свой состав 20 представителей других общественных групп - армии, интеллигенции, политических партий, полиции. Листовка призывала делегатов собраться на конференцию 21 ноября, чтобы обсудить этот проект: "Главной задачей этой национальной конференции является создание власти под руководством трудящихся, оппозиционной правительству". 19 ноября рабочие возобновили работу в знак дисциплины и поддержки ЦРС. Приехали делегаты из Будапешта, Дьера, Печа, Татабани, Озда и даже от крестьянских организаций. Многие делегаты шахтеров выступали резко против возобновления работы: "Вы можете работать, если хотите, но мы не дадим угля и электричества, мы затопим шахты". Сторонники возобновления работы возражали, что забастовка отражается на всех без исключения, а возвращение на работу обеспечит единство трудящихся на их рабочих местах.

По Будапешту прошел слух, что члены ЦРС арестованы. Рабочие немедленно забастовали. Хотя движение поддержали рабочие "Чепеля", рабочий совет города осудил эту новую стачку. Прежде чем комиссия ЦРС ознакомилась с причинами этого

антагонизма, рабочие "Чепеля" быстро избрали новый совет, который проводил их линию стачки в поддержку ЦРС. Трудящимся оставалось выбирать из оставшихся у них возможностей - активное сопротивление, пассивное сопротивление, эмиграция. Первое не могло быть применено, но Венгрия не сдалась. 250 тысяч венгров выбрали последнее решение и бежали на Запад. Тысячи человек, особенно молодых рабочих, были депортированы в Россию, чтобы запугать всех. Железнодорожники делали все, что могли, для того, чтобы помешать депортации, например, демонтировали рельсы. Люди нападали на поезда и освобождали депортируемых. Большая часть арестованных смогла вернуться в 1957 г.

Большинство венгров прибегло к пассивному сопротивлению. Русские и их марионеточное правительство были окружены стеной угрожающей ненависти. Когда позднее советский руководитель Хрущев приехал в Венгрию, по радио передавалось о мнимых манифестациях поддержки но это была подтасовка. На стенах появилась серия сатирических плакатов...

В рамках такой тактики пассивного сопротивления 23 ноября была организована молчаливая манифестация: между двумя и тремя часами дня никто не появлялся на улицах Будапешта. Эта акция показала, что венгры думают о Кадаре - на глазах у сил безопасности. Кадар требовал, чтобы рабочие советы участвовали в наведении порядка и отвечали за производство. Ответ ЦРС появился 27 ноября: "Мы вновь заявляем, что получили нашу миссию от рабочего класса... и всемерно действуем ради усиления власти трудящихся". Советы имели одно единственное издание - размножаемый на ротаторе "Информационный бюллетень", который передавался из рук в руки и вслух зачитывался на собраниях. Советы не позволяли никакой политической организации появиться на предприятиях: ВСРП (новое название компартии) и официальные профсоюзы отстранялись и физически удалялись.

Декабрь позволил правительству Кадара медленно одержать верх над рабочими советами в борьбе за господство на предприятиях. Рабочие оказывали постоянный нажим, чтобы противодействовать наступлению Кадара. 4 декабря состоялся "марш матерей" - молчаливая демонстрация 30 тысяч женщин в трауре, с венгерскими и черными флагами. В знак поддержки во всех окнах на минуту зажгли свечу, несмотря на попытку властей изъять свечи из продажи. Затем декретом были распущены революционные комитеты, которые появились в кварталах одновременно с рабочими советами; в Дьере были арестованы 200 рабочих. Наступление продолжилось 6 декабря арестом членов рабочих советов предприятий "Ганц" и "Маваг". В это время ЦРС обсуждал проект общенационального рабочего совета и временного рабочего парламента, представляющего все рабочие советы. 8 декабря в Сальготарьяне русские солдаты убили 80 шахтеров. Затем Кадар объявил о роспуске ЦРС; большинство его членов было арестовано. Другие продолжали свою деятельность и объявили 48-часовую стачку протеста против роспуска и против убийства шахтеров. Один из делегатов заявил: "Никакого света, газа, ничего!"

Это была жесткая стачка, на все 100 процентов. Два лидера ЦРС, Шандор Рац и Шандор Бали, бежали из-под ареста и их в течение двух дней охраняли рабочие завода им.Белоянниса, которые отказывались выдать их, несмотря на советские танки у ворот. 11 декабря Кадар "пригласил" обоих лидеров на переговоры; но как только они покинули предприятие, их немедленно арестовали. Стачка продолжалась. Даже партийная газета "Непсабадшаг" вынуждена была написать, что "такого в истории венгерского рабочего движения еще не было". 13 декабря, после окончания забастовки, рабочие металлургического завода "Чепель" сели на землю, требуя освобождения Раца и Бали. Движение было поддержано и на других предприятиях. На важнейшие заводы были введены советские войска, чтобы заставить рабочих работать под угрозой оружия.

ПОРАЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ

Забастовка была последней картой трудящихся. "Революционное рабоче-крестьянское правительство" Кадара разгромило рабочих и крестьян. Были введены интернирование и смертная казнь за забастовки или подстрекательство к ним. Через несколько дней после введения этих мер рабочий совет металлургического комбината "Чепель" объявил о своей отставке: "Мы возвращаем наши мандаты трудящимся". То же самое сделали другие советы. Кадар выступил против "провокационного самороспуска"! Последнее обращение ЦРС гласило: "На повестке дня теперь - саботаж и пассивное сопротивление". Кадар при поддержке новой тайной полиции и советской армии отнял у трудящихся средства производства и атаковал рабочие организации. Разумеется, он нашел идеологическое оправдание. В мае 1957 г. он заявил в Национальном собрании: "Некоторое время назад мы столкнулись с феноменом, когда отдельные категории рабочих действовали вопреки своим собственным интересам. В этом случае задачей руководителей является защита интересов масс, а не механическое удовлетворение неправильных идей. Если требования масс не совпадают с прогрессом, массам нужно новое руководство".

Две тысячи венгров были казнены за то, что правящие классы всех стран называют "неправильными идеями". О продолжении сопротивления против правительства Кадара можно судить по масштабам репрессий: комендантский час был отменен только в мае 1957 г., ускоренным судебным разбирательствам был положен конец только в ноябре 1957 г. В 1957-58 гг. казни были почти ежедневным явлением, через два года после восстания оставалось около 40 тысяч политзаключенных, уже в 1959 г. были казнены 9 членов рабочего совета Уйпешта. Только в 1960 г. была отменена смертная казнь за "преступления" во время революции (хотя уже в 1961 г. был казнен повстанец Ласло Никкельбург). Последние лагеря интернирования закрылись в июне 1960 г., но десятки узников были отпущены только в конце 60-х - начале 70-х гг.

Трудящиеся Венгрии еще раз доказали, что свобода идет снизу, а не от руководителей ("революционных" или других), действующих на благо рабочих. Для разрушения коммунистической бюрократии рабочие использовали формы организации, которые были демократическими, антибюрократическими и объединяли весь рабочий класс. Их советы играли и конструктивную роль. Трудящиеся оказались способны разрушить старый порядок и за несколько дней, даже часов, создать новый. Они отвергли официальные концепции социализма и создали свои собственные - самоуправление и прямая демократия рабочих, логическое развитие предшествующей борьбы трудящихся за новое общество.

Рабочие советы никогда не были отделены от рабочего класса. Они никогда не предавали его и были распущены, но не подчинены властями: они вернулись в класс, из которого вышли. Венгерский рабочий класс и его советы реорганизовывали общество, руководили производством, поддерживали свой порядок и объединяли вокруг себя остальное население. Они были побеждены только массированной вооруженной силой и в результате пассивности международного рабочего класса. Если бы они имели возможность свободно развиваться во взятом ими направлении, их потенциал был бы нацелен на создание действительно свободного общества...

(Перевод В.В.Дамье)

КОЛУМБИЯ: ПАРТИЗАНЫ И НАРКОМАФИЯ

Колумбия, одна из крупнейших стран Южной Америки, находится в состоянии хронического социально-политического кризиса. При этом к проблемам, общим для всей Латинской Америки, прибавляются еще две: тлеющая гражданская война и деятельность наркомафии, которая достигла здесь небывалого размаха.

ПО ДОЛИНАМ И ПО ВЗГОРЬЯМ

Вооруженные конфликты между двумя основными политическими силами Колумбии - либералами и консерваторами- нередко вспыхивали в прошлом и в начале нынешнего века. Гражданские войны и "виоленсия" (насилие) прочно вошли в традиции и даже в фольклор страны. Но в новейший период истории рубеж противостояния прошел между колумбийской правящей верхушкой в целом и беднейшими слоями населения, которые стали опорой партизанского движения - герильи.

Первые партизанские отряды организовали крестьяне восточных департаментов в 1948-49 гг., когда, после убийства популярного лидера либералов Хорхе Гайтана и подавления вспыхнувшего вслед за этим стихийного народного восстания, власть захватила военная диктатура. Либералы повстанцев не поддержали, а предпочли заключить с консерваторами соглашение о создании "национального фронта". Теперь власть на всех уровнях полюбовно распределялась между функционерами партий, а роль избирателей окончательно сводилось к простой формальности. Позже "национальный фронт" отменили, но фактически ничего не изменилось. "Всенародноизбранные" президенты в 50-х-70-х годах не прекращали репрессии против партизан и всех сил, выступавших за хотя бы нормальную буржуазную демократию. Президент Турбай Аяла, например, прославился высказыванием о том, что политзаключенных никто не пытает, а увечья они наносят себе сами.

Однако с партизанами справиться не удалось. Территория Колумбии, рассеченная горными цепями Анд, покрытая густыми тропическими лесами, позволяла им легко укрываться от авиации и карателей. Возникло множество отрядов; даже в центре страны, неподалеку от столицы, существовала партизанская "республика Маркеталия". Основным партизанским организациям в разное время помогали Куба,СССР и Китай, но вооруженное сопротивление власти никогда не было результатом происков каких-то "внешних сил", а порождалось самой колумбийской действительностью. Отчаянная нищета народа (ниже черты бедности до сих пор живет половина населения страны) и неверие в возможность мирных преобразований, толкали в ряды партизан не только бедняков, но и студентов, интеллигенцию, и даже церковников. Священник-бунтарь Камило Торрес, ушедший в горы и погибший в бою, стал народным героем Колумбии.

"ГРЯЗНАЯ ВОЙНА" ПО-КОЛУМБИЙСКИ

Стало ясно, что ни герилья, ни армия победить друг друга не могут. В 1984 г. президент Бетанкур заключил мир с повстанцами, гарантировав им безопасность и возможность включиться в легальную политическую жизнь. Но армия, которая подчинялась гражданской администрации с большими оговорками и была воспитана американскими советниками в духе бескомпромиссной борьбы с "коммунизмом", имела другое мнение. Спецслужбы разработали план "Кондор", аналогичный тому, который осуществляли аргентинские военные в 1976-82 гг, - было решено не тратить время на аресты, пытки, суды, концлагеря, а просто физически ликвидировать как можно больше противников режима. В Аргентине это время назвали "грязной войной".

Первой жертвой "Кондора" стал Карлос Толедо, лидер Движения 19 апреля (М-19), по профессии - детский врач. Он был убит после выступления в парламенте. Террор армейских "эскадронов смерти" заставил большинство партизан к лету 1985 г. с большими потерями вернуться в горы, и только крупнейшая организация герильи - Революционные Вооруженные Силы Колумбии (испанское сокращение- ФАРК), которую считают "вооруженной рукой" просоветской колумбийской компартии, соблюдала перемирие. ФАРК и "мирные" левые создали Патриотический Союз (УП), который быстро стал набирать влияние, грозя расшатать двухпартийную систему.

6 ноября 1985 г. отряд М-19 захватил Дворец Правосудия в самом центре Боготы. В заложниках оказались 500 человек, в том числе члены Верховного суда. Целью акции было добиться опубликования фактов, свидетельствующих, что не партизаны, а правительство и спецслужбы, развязавшие "грязную войну", виновны в срыве перемирия. Но без всяких переговоров начался штурм здания. 7 ноября войска овладели развалинами дворца. Погибло более ста человек, среди них - все 35 боевиков М-19 и 12 членов Верховного суда, многие из которых вели дела о наркотиках. Правые тут же заявили, что партизаны работали на наркомафию. Но судей с тем же успехом могли расстрелять армейские коммандос; ведь тогда у наркомафии было гораздо больше связей и "своих людей" во властных структурах, чем среди повстанцев.

КОКАИНОВЫЙ БУМ

Производить наркотики на экспорт в Колумбии начали в середине 70-х. После вьетнамской войны наркомания широко распространилась в США; потребляли в основном марихуану (коноплю). Плантации этого растения возникли в Штатах и в Мексике, но в 1976 году дефолиантами удалось уничтожить большую их часть. Тогда американская мафия обратила внимание на пустынный колумбийский полуостров Гуахиро. К 1979 г. Колумбия вышла на первое место в мире по производству марихуаны. "Товар" доставлялся в США через Багамские острова на яхтах и легких самолетах. Но вскоре колумбийская армия оккупировала Гуахиро, и бизнес "маримберос" - торговцев марихуаной - стал очень уж рискованным. Тогда вспомнили о кокаине.

Кустарник коку уже несколько тысяч лет культивируют индейцы андских нагорий в пределах современных Перу и Боливии. Листья коки - стимулирующее средство; без них ежедневная тяжелейшая работа андских крестьян и шахтеров была бы невозможной. В столице Боливии Ла-Пасе (3500 м над уровнем моря) приезжего обязательно напоят чаем из коки, чтобы быстрее адаптировался к высоте. Кока - не наркотик; чтобы получить действие, эквивалентное 1 г кокаина, надо было бы прожевать 15 кг листьев! Плантации коки на горных террасах требуют не меньше крестьянского труда, чем кофе или хлопок, но выращивать ее оказалось гораздо выгоднее. Кокаиновый

бум совпал с сельскохозяйственным кризисом в Перу и Боливии, когда, в результате рыночных реформ, производить продовольствие оказалось нерентабельно; для многих крестьян кока осталась единственным источником средств. В Боливии стали собирать в год по 200 тыс. тонн листа; внутренний рынок требовал 10-15 тыс. тонн, остальное скупала мафия, перегоняла в сульфат кокаина и переправляла в Штаты. Есть спрос - будет предложение. Торговля кокаином по рентабельности заняла третье место после торговли нефтью и оружием. В Боливии начала 80-х это был государственный бизнес, который патронировал лично диктатор Гарсиа Меса. Но и при всех своих президентских возможностях генерал Меса не смог достичь уровня Медельинского картеля - структуры, созданной в 1981 году колумбийскими мафиози.

Благодаря средствам массовой информации о боссах наркокартелей известно гораздо больше, чем о тех же лидерах герильи, людях куда более интересных и достойных. Организатор картеля Карлос Ледер, сын колумбийки и немецкого эмигранта, еще подростком приехал в Детройт, где влился в ряды "пушеров"- уличных торговцев наркотиками. Он быстро занял место среди "акул" преступного мира; к собственному тридцатилетию приобрел остров из числа Багамских (его взлетно-посадочная полоса очень пригодилась самолетам, летевшим с Гуахиро). Ледер первым почуял, что времена меняются, и собрал на сходку в Медельине, втором по величине городе Колумбии, старых знакомых: угонщика автомобилей Пабло Эскобара и мелких уголовников, троих братьев Очоа. Так возникло ядро картеля. В короткий срок компаньонам удалось наладить закупку коки, ее переработку в подпольных лабораториях Колумбии и сбыт в США по каналам Ледера.

Медельинский картель стал действовать в районах, контролировавшихся М-19. Это партизанам не понравилось, то ли из принципиальных соображений, то ли из-за репутации Ледера, который не скрывал симпатий к нацизму и повсюду вешал портреты Гитлера. В декабре 81-го они похитили жену одного из братьев Очоа. Тогда на деньги Ледера мафия сколотила команду "Смерть похитителям" (испанское сокращение-МАС). Воевать с партизанами они, конечно, не могли, но убивали связных герильи и выдавали властям партизанские явки. Через два месяца М-19 решили, что Марта Ньевес де Очоа обходится слишком дорого, и отпустили женщину без всякого выкупа, но МАС распущен не был. Ледер пытался заключить с партизанами "взаимовыгодное соглашение", но ни одна из крупных повстанческих организаций тогда на это не пошла.

В 1984 г. мафия предложила правительству выплатить внешний государственный долг в обмен на амнистию; картель обещал уничтожить все подвластные ему плантации и полностью прекратить экспорт кокаина. Вполне возможно, что предлагалось это всерьез - главари уже накопили состояния (Эскобар был сенатором, имел личный зоопарк и строил кварталы дешевых домов для жителей окраин Медельина) и хотели пожить в свое удовольствие. Но под давлением США переговоры сорвались. Американцы потребовали выдавать им арестованных колумбийских мафиози; это требование поддержал и министр юстиции Лара. Тогда наемные убийцы застрелили министра. Медельинский картель вступил на "тропу войны" с государством, однако не оставил надежды заслужить благосклонность властей. Возможностей представилось предостаточно.

С лета 1986 г. раскручивается невиданный ранее террор против левых активистов. Тогда на свалках вокруг больших городов начали устанавливать таблички "Трупы сваливать запрещено!", которые, конечно, мало помогали - каждое утро находили новые тела. "То, что на трупах нет следов пыток, свидетельствует о непричастности к убийствам вооруженных сил" - вполне серьезно защищала армию правая пресса. Патриотический Союз заявлял о 140 группах ультраправых, деятельность которых не желает пресечь правительство. Но правительство все-таки нажимало на спецслужбы, которые было совсем вышли из-под контроля. Поэтому часть "работы" пришлось поручить Медельинскому картелю. Именно люди картеля убили 11 октября 1987 г. лидера УП Хайме Пардо Леаля. Богота ответила взрывом стихийного протеста, напомнившего 1948 год, но ни это, ни меры правительства убийц не остановили. Сотни членов левого блока погибли; к 1990 г. обескровленный Патриотический Союз утратил все свои позиции. "За три года перемирия мы потеряли больше товарищей, чем за 30 лет войны" - сказал главнокомандующий ФАРК Мануэль Маруланда. Фарковцы вернулись в горы, где, наступая на горло собственной песне (они всегда считали себя "единственно правильными" партизанами) образовали вместе с М-19, маоистской Народно-Освободительной Армией и индейскими повстанцами Координационный комитет имени Симона Боливара. Герилья вновь начала набирать силу.

В истории колумбийской мафии, естественно, немало белых пятен. Неизвестно, какие тайные пружины сработали, повернув Медельинский картель к союзу с повстанцами. Неизвестно, причиной или следствием этого был арест Карлоса Ледера, который был выдан США и приговорен к пожизненному заключению. В момент ареста на вилле Ледера не оказалось никакой охраны. Сразу родилась версия, что Эскобар и Очоа просто продали Ледера, развязав себе руки. Теперь мафия принимается разбираться с властями - на 1988-90 гг. приходится пик взрывов в государственных учреждениях, убийств судей, прокуроров и полицейских. Самым громким преступлением боевиков Медельинского картеля стало убийство кандидата в президенты от либеральной партии.

НИКТО НЕ СЖИГАЕТ КАРТОФЕЛЬ НАПАЛМОМ

Общественное мнение в США и в Латинской Америке совершенно по-разному воспринимают проблему наркотиков. Американская позиция сводится к категорическому неприятию того, что считается наркотиками, наркопроизводства и наркоторговли; в каждом втором американском фильме можно видеть, как отважные полицейские, пограничники, спецагенты, спасатели и дрессированные животные сражаются с коварными наркомафиози латиноамериканской национальнальности. Антикокаиновая кампания иногда похожа на истерию: "Кока-колу", например, заставили изменить рецепт одноименного напитка, когда выяснилось, что листья коки туда все-таки входят. Но, конечно, наркомания для США - серьезная проблема. Сменявшие друг друга вашингтонские администрации объявляли Боливию и Колумбию "агрессорами", угрожали послать туда "ограниченные контингенты". Такой контингент все-таки появился в Боливии и с вертолетов уничтожал плантации. Разумеется, в Латинской Америке это восторга не вызвало. Даже правительства там признают, что проблему коки карательными мерами не решить, и пытаются дать крестьянам возможность вернуться к выращиванию "некриминальных" культур, но обычно на это "нет средств".

Общественность высказывается резче: "Никому не приходит в голову жечь напалмом картофель только потому, что из него производят спирт". Напо-

минают общеизвестный факт: ЦРУ через свои "героиновые армии" контролировало торговлю наркотиками в Индокитае; и сейчас, утверждают латиноамериканцы, на территории США сохраняются плантации марихуаны, которые почему-то не уничтожены. Борьба с кокаиновыми картелями - не борьба ли это с конкурентами? Без поддержки "солидных" американских банков никакая наркоторговля, имеющая дело с колоссальными суммами, была бы невозможна. А к "своей" мафии, заявляет латиноамериканская общественность, США вполне терпимы, поскольку она, в отличие от колумбийцев, не вывозит деньги из страны. Все процессы против мафии строятся на неуплате налогов: плати налоги, и все будет о,кей!

Партизаны и население, которое их поддерживает, видят вокруг себя проблемы более близкие и страшные, чем наркомания; нищету на глазах порождает политика правящей олигархии, за спиной которой стоят США. Борьбу с наркомафией, которую под давлением Вашингтона ведет правительство, (а страдают от нее, в первую очередь, крестьяне, - постоянная мишень карательных рейдов, будь то "антипартизанские" операции или "антимафиозные") они не могут не воспринимать как очередное лицемерие, противодействовать которому надо хотя бы из практических соображений: комендатуры, проверки на дорогах - зачем это нужно?

Уже в начале 80-х левые организации Колумбии включили в свои программы требование легализации наркотиков (что вовсе не оригинально; в Нидерландах наркотики давно легализованы, а партии и движения, выступающие за легализацию, есть везде - алкоголь, говорят они, страшнее коки, но всем уже ясно, что "сухим законом" вопрос не решить). Раньше сближению наркоторговцев с партизанами препятствовали беспринципность первых - выгоднее дружить с властями - и коммунистический интернационализм последних - не дадим поставлять отраву для пролетариата янки! К тому же для партизан одной из главных целей было завоевать симпатии мировой общественности. С крахом "социалистического лагеря" ситуация изменилась. Партизанам пришлось пересмотреть свои позиции. Заговорили о "нарковойне" бедного Юга против богатого Севера.

АГОНИЯ НАРКОКАРТЕЛЕЙ

В марте 90-го разоружается М-19. Бывший главнокомандующий, а ныне лидер новой партии "Демократический Альянс М-19" Карлос Писарро заявляет о стремлении бороться за пост президента, но месяц спустя убит. Ему на смену приходит ветеран герильи Антонио Наварро -в 1985 году в бою ему оторвало ногу, но и на протезе он довоевал до звания команданте. Президент Гавириа назначил его министром просвещения и ввел в парламент депутатов от М-19; тогда же на выборах в Конституционную ассамблею М-19 вышло на третье место по числу голосов.

Гавириа призвал главарей Медельинского картеля сдаться, посулив "щадящий режим" и невыдачу США. В тот момент все партизаны вели с правительством интенсивные переговоры о мире, и боссам мафии вовсе не улыбалась перспектива остаться один на один с властью и сложить буйные головы. Они сдались, выбрав покой и комфорт - и вполне получили желаемое в уютных камерах спецтюрьмы близ Медельина. Но США продолжали давить на Гавириа, и в июле 92-го, услышав о своем предстоящем переводе в другую тюрьму, Эскобар решается на побег. Он скрылся в трущобах Медельина, где все попытки изловить его были заранее обречены на провал. Антигосударственный террор мафии разгорелся с новой силой. Но главаря сгубило тщеславие: в ноябре 93-го, в свой день рождения Эскобар позвонил друзьям в Боготу, чтобы принять поздравления. Спецкомпьютер отследил звонок, и тут же 500 полицейских окружили торговый центр, откуда он поступил. Эскобар пытался уйти по крышам, но в перестрелке был убит.

После разгрома Медельинского картеля, поставлявшего в США 80 % кокаина, примерно тот же обьем поставок освоил картель Кали под командой братьев Орехуэла. Наученные опытом предшественников, Орехуэла предпочитали не воевать с государством, а покупать его. Братья очень выгодно, как им казалось, вложили 6 млн долларов в предвыборную кампанию либерала Эрнесто Сампера. Сампер стал президентом, но летом 95-го карающая длань правосудия (ее, очевидно, подтолкнули соперники Сампера) дотянулась и до Калийского картеля. Всплыло дело о 6 миллионах; запахло импичментом. Президент весьма кстати для себя ввел чрезвычайное положение. Неизвестно, удастся ли ему выкрутиться, но по наркомафии был нанесен серьезный удар.

ГЕРИЛЬЯ + НАРКОТИКИ

Ничего не изменилось в Колумбии ни при новой конституции, ни при новом президенте. Неудивительно, что на очередных выборах М-19 потерпело поражение; с ним были связаны надежды на перемены, но каких перемен могут добиться даже самые радикальные революционеры через единственного своего министра в правительстве олигархии? Неудивительно, что с декабря 92-го герилья возобновила боевые действия. Кто конкретно был виноват в срыве перемирия, понять невозможно. Президент Гавириа запретил средствам массовой информации что-либо сообщать о партизанах и даже упоминать их (такое впечатление, что его послушались и в России; о связях герильи с мафией еще иногда скажут, но больше ничего, пусть даже бои идут на окраинах Боготы, как в октябре этого года).

Десятилетия вооруженной борьбы ожесточили партизан. На войне все средства хороши - видимо, решили они. После падения Калийского картеля ФАРК захватили контроль над остатками мафии, плантациями и путями перевозки наркотиков. Значит ли это, что партизаны сами стали мафией? Наверное, нет, что бы там не писали либеральные газеты. Ведь мафии воевать невыгодно; единственная ее цель - обогащение, а этого проще добиться, договорившись с властями или сидя в "тихом" подполье. Но партизаны продолжают сражаться; сейчас их около 20 000; они оптимистично заявляют о том, что к 98-му году увеличат свои отряды до 40 000 человек. Так или иначе они воюют "за идею". Какая именно это идея -социализм? коммунизм? какие-то варианты "третьего пути"? - сейчас понять нельзя. Но, разумеется, союз с мафией неизбежно накладывает на нее свой тяжкий отпечаток. Если произойдет полное перерождение партизанского движения в мафиозное, это будет трагедия для Колумбии. Потому что погибнет одна из последних возможностей создать какую-то альтернативу существующей системе, которая, рассуждая о экономическом прогрессе, использует большинство населения своей страны в качестве удобрения для этого прогресса.

НИКОЛАЙ МУРАВИН

ВЕЧНАЯ ЗОЛУШКА

Исповедь домохояйки

"Я должна, я обязана. Мужу, детям, свекрови, престарелым родственникам, обществу, государству. Обязана заниматься самой черной, самой грязной, самой неблагодарной и вообще никогда не оплачиваемой работой. Это объявляется моим священным долгом, и идеал женщины-домохозяйки всячески воспевается, в то время как женщины, ему не соответствующие, подвергаются обструкции.

Я каждый день готовлю еду, хотя я не повар. Я каждый день стираю, хотя ни в одном дипломе у меня не написано, что я прачка. Я убираю каждый день, хотя в уборщицы меня никто не нанимал. Между тем, никого не интересует, что более полезного я могла бы сделать в жизни, вместо этих нуднейших и тупейших занятий. Это не входит в стандартную роль женщины, запрограммированную патриархатным обществом.

Да, но может быть, кто-нибудь скажет мне, хоть иногда, спасибо за этот монотонный труд? Ха! В лучшем случае, ничего вообще не скажет. В худшем -- еще будут косо смотреть, если я не зарабатываю денег, что я, дескать, нахлебница. И посему обязана благоговеть перед супругом, который из великой милости кормит меня и одевает. Так из поколения в поколение воспитывают в нас, женщинах, комплекс вины и чувство рабской зависимости от мужчины.

Моя работа, если она есть, мои интересы, увлечения подруги, все, что остается еще в этой жизни светлого со дней моей юности -- второстепенно, и, как правило, приносится в жертву семье.

Я не могу говорить по телефону с лучшей подругой, сколько хочу -- муж недовольным тоном заявляет, что у него "деловой разговор", и я вынуждена вешать трубку. Я в отчаянии. Я никогда не докажу своему супругу, что этот мой разговор, может быть, не менее важен, чем его. У меня не хватит аргументов, потому что в буржуазной патриархатной культуре аргумент один -- выгода, деньги, успех, а я всего этого не могу представить.

Я не могу вечером, разумеется, уже после того, как я все перестирала, убрала и пр. (а как же иначе!) пойти в театр с приятелями -- свекровь тут же укажет мне, что я эгоистка, занимаюсь только собой и не занимаюсь собственными детьми. Я не могу объяснить ей, что ничего страшного не будет, если ребенок будет иногда предоставлен сам себе, а вот если у его матери совсем не будет никаких интересов кроме домашних, ему просто будет очень скучно и даже стыдно такой матери.

Я тащу на себе груз домашнего хозяйство из года в год, и у меня накапливается ничем не снимаемая усталость. Я выполняю все мои обязанности просто как автомат, и наверное, автомат лучше бы с ними справился -- у него не бывает нервных срывов и плохого настроения. Я думаю, что когда робототехника дойдет до совершенства, можно будет отменить институт брака - мужчина просто будет покупать себе робота, который убирает, стирает и готовит. Это будет лишь логическим завершением того процесса, что происходит со мной -- во мне никто и так не видит человека. Это очень трудно, действительно, -- увидеть человека в обслуживающем персонале. А ведь мужчина женится именно за этим -- чтобы устроить свой быт.

Но хорошо, пусть я изо дня в день кручусь как белка в колесе -- даже это еще не главное. От меня требуют, чтобы я неформально относилась к своим обязанностям, делала все с "душой", "теплом", "заботой о семье". На мне лежит ответственность за поддержание "морального климата" в моей семье. Если у мужа неприятности на работе, я должна терпеливо выслушивать, утешать его, убеждать его в его гениальности, дабы он не потерял веру в себя. Но не дай бог мне начать "грузить" его моими проблемами! Они ведь все ничтожны, выеденного яйца не стоят, зачем же отнимать у человека его драгоценное время!

Да и вообще, я во всем виновата, я это давно знаю. Я виновата в том, что сын получает двойки -- не занимаюсь ребенком. Я виновата в том, что дома мы постоянно ругаемся -- ибо я капризна и стервозна, да, я это тоже знаю. И, если муж пьет, -- тут уж сомнений никаких быть не может в том, что это я довела его до такого состояния. Подлая баба, чудовище, совсем мужика со свету сжила! (Никто ведь не будет разбираться, как там на самом деле. Патриархат диктует женщине свои условия. Он ей указывает ее место. Он ей судья, он же прокурор. А женщина -- обвиняемая. Всегда.)

История почти всех замужних женщин -- сказка про бедную Золушку. Вторая половина этой сказки, которая осталась "за кадром" у Шарля Перро -- потому что очень страшно. Страшно то, что было после золушкиной свадьбы. Да, она заполучила себе этого принца как приз в лотерее, и, наверное, именно это было вершиной всей ее жизни, как и для многих женщин. А что потом? Да та же золушкина судьба -- за всеми убирай, стирай, со всеми нянчись, но и всем улыбайся, будь ласковой и покладистой! Строптивые рабы никому не нужны.

Золушка, девушка, ты так мечтала о своем принце. Он грезился тебе в снах. Тебе казалось, не надо заниматься собственной личностью, не надо заниматься творчеством и утверждать себя в этом мире -- ведь придет Он, и все решится само собой. И самое страшное в жизни -- исполнение желаний -- происходит, тот самый принц приходит рано или поздно. Тот ли? Может быть, ошибка? Да все они одинаковы, милая Золушка, дело ведь в тебе. Только в тебе. Ты принимаешь эти условия игры, ты живешь вторичным бытием, ты обеспечиваешь жизнедеятельность своего ненаглядного принца. Ты можешь мне возразить -- все хорошо на самом деле, все прекрасно "в общем и целом" ведь жизнь продолжается, рождаются новые золушки и принцы и т.д. И я не буду с тобой спорить, я только спрошу тебя: какой ценой все это? Ты довольна, Золушка?

Анастасия ДРОЗДОВА

Джордж Вудкок

Анархизм в Италии

глава из книги "Анархизм. История либертарных идей и движений".

Перевод с английского Петра Рябова.

(Окончание. Начало в # 3, 4).

Но в это время деятельность анархистов в Италии фактически выражалась в угасающем спорадическом функционировании местных групп, при небольших региональных объединениях, оставшихся без общенациональной организации. На Интернациональном конгрессе 1881 года присутствовали только два итальянских делегата - Малатеста и Саверио Мерлино, молодой юрист, в прошлом школьный товарищ Малатесты, пришедший в движение благодаря своему интересу к процессу над инсургентами - участниками восстания в Беневенте. Малатеста представлял одну региональную федерацию, которая действовала в Тоскане. Также были представлены шесть отдельных групп, в основном, в Меццоджиорно, Пьемонте и в Романье. Но ни Малатеста, ни Мерлино не имели мандатов от групп в таких, прежде имевших мощные анархические организации, городов, как Болонья, Рим или Милан. С другой стороны, Малатеста представлял эмигрантские группы в Константинополе, Марселе, Женеве и Александрии.

Уже тогда появилась та модель, которая характеризовала итальянский анархизм на протяжении всей последней четверти XIX-го века. В течение этого периода имелось много отдельных анархистов, и они продолжали создавать местные группы, но, отчасти из-за полицейских преследований, отчасти из-за их недоверия к организационным формам, они необычайно редко могли образовывать федерации, подобные тем, что были в 1870-е годы. Обманчивое впечатление бурной деятельности сложилось благодаря целому ряду анархистских изданий, которые появились в это время. Например, за шесть лет - с 1883 по 1889 год, Макс Неттлау, этот неутомимый библиограф, перечисляет тринадцать городов, в которых выходили такие издания; все эти издания, однако, были эфемерными, некоторые из них имели только один-единственный номер, а те, что сумели "прожить" чуть дольше, выходили не более чем на протяжении нескольких месяцев. Большой размах анархизма в Италии теперь поддерживался, благодаря в основном феноменальной активности нескольких личностей, среди которых Мерлино и Малатеста играли особенно выдающуюся роль на протяжении 1880-х и 1890-х годов. Группы, которые существовали, постоянно исчезали или теряли и меняли своих членов не только из-за давления со стороны властей, но также из-за того, что анархисты разделяли стремление многих других итальянцев этого времени - эмигрировать туда, где они могли бы получить шанс получше жить.

Что отличало итальянцев от анархистов из других стран, так это размах, с которым они, будучи в эмиграции, становились миссионерами своих идей. Мужчины и женщины, такие как Малатеста, Мерлино, Пьетро Гори, Камило Бернери и его дочь Мария Луиза Бернери, оказывали непрерывное влияние на международную анархическую мысль и деятельность вплоть до середины нашего столетия. Первые, возникшие по всему Леванту анархические группы, состояли из итальянцев, в то время как в Латинской Америке и в Соединенных Штатах итальянские эмигранты играли очень значительную роль в распространении анархических идей на протяжении 1890-х годов, и издавали больше эмигрантских изданий, чем все другие национальные группы, вместе взятые.

Кроме того, хотя лидеры итальянских анархистов, и в особенности Малатеста, выступали против действий индивидуальных террористов, итальянские террористы-убийцы получили в последние годы XIX века сомнительную славу из-за беспощадности, с которой они действовали как самозванные-самоназначившиеся палачи глав государств во многих частях Европы. Убийство анархистом Казерио президента Франции Сади Карно в 1894 году, было только первым покушением в целом ряде громких и эффектных политических убийств, совершенных итальянцами. В 1897 году Мишель Анджиолилло отправился в Испанию и стрелял в реакционного премьер-министра Антонио Кановаса. В 1898 году Луиджи Люкени совершил одно из наиболее отвратительных и позорных из всех политических убийств, заколов в Женеве кинжалом несчастную и кроткую, с трагичной судьбой, австрийскую императрицу Елизавету. И в 1900 году итальянский король Умберто, который уже избежал двух покушений, был наконец застрелен Гаэтано Бреши, когда он находился на деревенском празднике в Моска. Казерио, Анджиолилло и Люкени, по-видимому, были фанатиками-маньяками, которые действовали по собственной инициативе, желая поразить лиц, символизирующих систему несправедливости и авторитета, которую они ненавидели; с другой стороны, Бреши, по-видимому, был агентом, назначенным анархистской группой в Патерсоне, в Нью-Джерси.

Но, хотя действия этих убийц способствовали поддержанию дурной славы анархизма и провоцировали преследования против движения в целом со стороны итальянских властей, они не были типичным средством, использовавшимся анархическим движением в 1880-е-1890-е годы. Имелось немало других итальянских анархистов, которые отправлялись за рубеж в надежде основать утопические колонии, которые могли бы на своем опыте показать возможность жизни при безвластном коммунизме. Наиболее известной из них была колония Цицилия в Бразилии. Ряд анархистов покинул Италию в феврале 1890 года, чтобы осваивать землю, переданную правительством Бразилии в соответствии с его политикой поощрения эмиграции. В течение первого года было положено успешное начало этой колонии, и к весне 1891 года почти двести человек уже жили и трудились в колонии. Но так продолжалось только четыре года; в середине 1894 года последние из ее членов покинули колонию. Их неудача была вызвана несколькими причинами; несомненно, одной из них было то, что земля, выделенная колонистам, не подходила для обработки, но даже еще более важным обстоятельством были все возрастающие резкие различия во мнениях, которые возникали практически по всем пунктам, касающимся деятельности организации, и которые в конце концов разделили коммунаров на непримиримые и враждующие группировки.

Большинство итальянских анархистов, однако, не участвовали ни в индивидуальном терроре, ни в деятельности по основанию утопических коммун; в этот период, находясь в Италии или за границей, они сочетали агитацию с неустойчивым экономическим существованием и нуждой, и путь Малатесты в те годы, несмотря на всю исключительность его драматических и отважных приключений, кажется почти типичным и характеризующим движение - после сокрушительного краха Интернационала в конце 1880-х годов.

Малатеста, который, вопреки легендам, которые быстро образовались вокруг него, не имел никакого отношения к роду тиранов в Римини (Дело в том, что в городе Римини в Средние века жили аристократы Малатеста, и по сей день сохранился замок Малатеста - примеч. переводчика), - происходил из класса землевладельцев из Южной Италии. Будучи студентом-медиком в неаполитанском университете, он примкнул к студенческому республиканскому движению и был исключен из университета за участие в демонстрациях. Вскоре после этого он стал анархистом и, обратившись к анархизму, решил подчинить все свои прочие интересы революционному делу. Он выучился ремеслу электрика, и когда его родители оставили ему поместье в Капуе, он немедленно избавился от него, передав дома - жильцам.

Деятельность Малатесты в Италии в 70-е годы перемежалась с его частыми выездами за границу. После оправдания в связи с Апулийским восстанием в 1874 году, он два года скитался по средиземноморским странам, устраивал заговоры в Испании и тщетно пытался пробраться в Боснию, чтобы принять участие в восстании против турок, которое вспыхнуло в 1875 году. Он вернулся в Италию, чтобы возглавить восстание в Беневенте в 1877 году, но после его освобождения в связи с этим делом, он вновь продолжил свои странствия, в которых он побывал в Александрии, затем проехал через Сирию и Турцию в Грецию, выслеживаемый полицией и основывающий итальянские анархические группы почти в каждой стране, в которой побывал. После короткого перерыва - пребывания в Романье, он отправился в поездку по франкоговорящим странам, и в Париже вызвал на дуэль Жюля Геда - ренегата от анархизма, ставшего вождем парламентских социалистов, - но дуэль не состоялась. Наконец, он прибыл в Лондон на Международный конгресс в 1881 году. Здесь он встретился с Кафиеро и сотрудничал с его недолго выходившим изданием "Инсуррезиони" (Восстание), вероятно, в первом итальянском эмигрантском анархическом издании, выходящем за пределами Швейцарии.

Малатеста не возвращался в Италию до 1883 года, когда он и Мерлино пытались реорганизовать Интернационал так, чтобы противостоять все возрастающему влиянию Коста и его поли-

тической пропаганды. Это влияние на группы в Риме, Флоренции и Неаполе все усиливались, и Малатеста организовал издание "Ля кестиони сочиали" (Социальный вопрос), преимущественно посвященное атакам на Социалистическую партию. Вскоре после этого он и Мерлино были арестованы; их судили в Риме в феврале 1884 года и присудили трехлетние сроки тюремного заключения за принадлежность к "опасной подрывной организации", в то время, как пятьдесят восемь флорентийцев, которые подписали заявление в их поддержку, получили каждый по три месяца заключения. Приговоры были обжалованы, и год спустя наказание было значительно уменьшено. В конце концов, заключенные были освобождены и возобновили свою пропагандистскую деятельность, но тут в Неаполе в 1885 году вспыхнула эпидемия холеры. Тогда Малатеста и его друзья немедленно прибыли в пораженный болезнью город, где они работали с полнейшим пренебрежением к собственной безопасности до самого конца эпидемии. Итальянское правительство объявило о награждении Малатесты медалью, но оно и не подумало об отмене его судебного приговора, и поэтому он и многие его флорентийские товарищи предпочли отправиться в Аргентину, чтобы избежать необходимости предстать перед судом. Как гласит легенда, Малатеста, который постоянно находился под наблюдением полиции, приковал себя к ящику, который сочли ящиком, содержащим в себе швейную машину, и таким путем был поднят на борт корабля, капитан которого был его приятелем.

В Буэнос-Айресе Малатеста возглавил начинающееся движение, основанное Этторе Матеи, эмигрантом из Ливорно, который в 1884 году организовал кружок коммунистов-анархистов. Малатеста открыл механическую мастерскую и возобновил выпуск "Ля кестиони сочиали" (Социального вопроса); с миссионерским пылом, типичным для него, он превратил это издание в двуязычное: испанско-итальянское. Когда их средства истощились, Малатеста и группа его товарищей отправились в исследовательскую экспедицию по равнинам Патагонии. Они даже обнаружили золото в одной из рек, но тут же немедленно были лишены права на его добычу одной компанией, которая дала взятки официальным лицам и добилась передачи ей этого права.

Малатеста вернулся в Европу летом 1889 года. Он поселился в Ницце, откуда надеялся влиять на дела в своей стране путем издания журнала - "Ассоциасиони" \Ассоциация\, который должен был тайно распространяться в Италии. Французская полиция скоро начала интересоваться его деятельностью, и он переехал в Лондон, в атмосферу большей терпимости к подобной деятельности, где он арендовал дом в Фулхэме, установил там типографские станки и возобновил выпуск "Ассоциасиони". Журналу пришел конец, когда Малатеста заболел пневмонией, а один из его друзей сбежал с денежным фондом издания.

Тем временем в Италии начались новые вспышки волнений, особенно во время празднования Первого Мая 1890 года. Эти выступления, некоторые из которых были возбуждены республиканцами и анархистами, и другие, в основном спонтанные проявления народного протеста против экономических бедствий, способствовали возрождению влияния анархистов, и в январе 1891 года восемьдесят шесть делегатов, заявившие о том, что представляют несколько сотен групп изо всех частей Италии, собрались у озера Каполаго в Тичино. Малатеста и Чиприани были основными ораторами на этом собрании, которое решило основать Анархо-социально-революционную партию, объединяющую все разбросанные по стране либертарные организации, объединенные общим стремлением к повстанческому движению, направленному против правительства любого рода - неважно - правого или левого. Это разделение между двумя течениями левого движения было окончательно закреплено, когда социалисты, вскоре после этого собравшиеся в Генуе, решили создать новую объединенную партию, из которой анархисты должны были быть официально исключены.

После конгресса Малатеста тайно приехал в Италию, где он пробыл некоторое время, организовывая группы в районе Каррары; здесь была сильная анархическая традиция, которая продолжается по сей день, среди рабочих, работающих с мрамором. Вернувшись в Швейцарию, он был арестован в Лугано; Италия требовала его выдачи, но Швейцария отказала, и в сентябре 1891 года Малатеста вернулся в Лондон. Следующий год он пробыл в Испании, и в 1894 году он вновь отправился в Италию. В 1896 году он принял участие в бурных заседаниях Лондонского конгресса Второго Интернационала, где анархисты были окончательно изгнаны из рядов мирового социалистического движения, и в следующем году он вновь вернулся в Италию и жил в Анконе. Здесь он начал издавать еще одну газету, и приобрел такое широкое влияние среди заводских и портовых рабочих, что власти вскоре начали беспокоиться из-за его присутствия; был найден предлог для его ареста, и он был приговорен к шести месяцам тюрьмы за агитационную деятельность. Возможно, это было к лучшему для его безопасности - то, что он все еще находился в заключении во время первомайских дней 1898 года, когда в Меццоджиорно вспыхнули отчаянные бунты и распространились на Флоренцию и Милан; в этих городах шли уличные бои, и демонстранты были расстреляны правительственными войсками. Именно в отмщение за свирепые репрессии этих лет, позднее Бреши застрелил короля Умберто.

В результате, в напряженной атмосфере, которая последовала за восстанием 1898 года, Малатеста не был освобожден по окончании срока его тюремного заключения, но, вместо этого, с рядом других лидеров движения, был на пять лет отправлен в ссылку на остров Лампедуза. Он не оставался там долго. В один штормовой день он и трое его товарищей захватили лодку и вышли в море, несмотря на высокие волны. Им повезло, так как они были подобраны кораблем, державшим курс на Малагу, откуда Малатеста отплыл в Соединенные Штаты. Тут в его жизни вновь произошел фантастический поворот, из числа тех, которые всегда происходили с ним до самого его конца. Он принял участие в дискуссии с анархистами-индивидуалистами Патерсона, которые настаивали на том, что анархизм подразумевает полное отсутствие всякой организации, и что каждый человек должен руководствоваться исключительно своими внутренними побуждениями. Наконец, на одном шумном диспуте внутренние побуждения одного товарища из числа анархо-индивидуалистов заставили его стрелять в Малатесту, который был серьезно ранен, но он упрямо отказывался назвать имя нападавшего. Чуть было несостоявшийся убийца убежал в Калифорнию, а Малатеста окончательно поправился. В 1900 году он отправился в Лондон, который теперь стал его любимым местом пребывания в эмиграции.

М.Л. Бернери

Э. Малатеста

Он не возвращался в Италию до 1913 года и проводил основную часть своего времени, работая в небольших электромастерских, и пытался влиять на дела на своей родине путем написания материалов для периодических изданий и издавая брошюры, которые имели широкое распространение в Италии, где его влияние, даже несмотря на то, что он находился в эмиграции, оставалось велико, особенно на юге и в Тоскане и Романье.

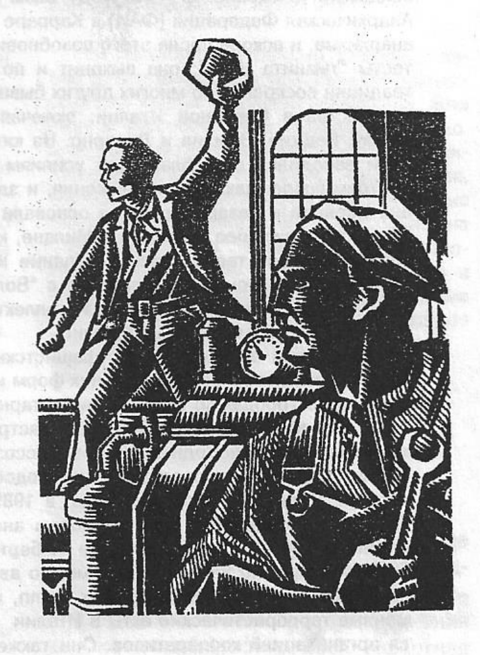
Даже в Лондоне, где он принимал очень слабое участие в анархическом движении, группировавшемся вокруг Кропоткина и издания "Фридом" (Свобода), Малатеста не смог избежать неприятностей. Он едва избежал опасности быть вовлеченным в знаменитое дело на Сидней Стрит, так как один человек из группы латвийских террористов, участвовавший в этом странном побоище, был механиком в его мастерской. Два года спустя, в 1912 году, он был заключен в тюрьму "за клевету", потому что он совершенно справедливо охарактеризовал некоего Беллели как полицейского шпиона; он был также приговорен к высылке, и только энергичное вмешательство Кропоткина, который воздействовал на Джона Барнса, тогдашнего министра в правительстве Кэмпбелла - Баннермана, предотвратило воплощение в жизнь этого приговора.

За время отсутствия Малатесты итальянское анархистское движение оставалось меньшинством, и не всегда активным меньшинством, по

сравнению с парламентарными социалистами. Тем не менее, его влияние сохранялось, отчасти благодаря периодически повторяющимся экономическим потрясениям и кризисам, отчасти благодаря насильственным методам, обычно применяемым властями для пресечения забастовок и демонстраций, которые заставляли многих трудящихся во время борьбы руководствоваться рецептами прямого действия. Благодаря этой причине движение было чрезвычайно неустойчиво, и колебалось число его приверженцев. Некоторые места, такие, как Каррара, Форли, Лугано, Анкона, Ливорно, постоянно оставались цитаделями анархизма; анархическое движение также было весьма влиятельно в Тоскане, Романье и в районе Неаполя, но повсюду группы имели тенденцию - не существовать постоянно и непрерывно из-за полицейских репрессий, и все попытки создать общенациональную организацию провалились из-за стремления к местной автономии, которое отличало итальянцев от французов. Анархическая Социально-Революционная партия, основанная в 90-е годы, оказалась ничем, и всеобщий анархический конгресс, прошедший в Риме в 1907 году, под влиянием Амстердамского Международного конгресса, состоявшегося в том же году, не смог создать эффективно работающей национальной организации. Некоторые из анархических интеллектуалов, во главе с Луиджи Фаббри, попытались создать прогрессивное просветительское движение, группирующееся вокруг издания "Университа Популяри" (Народный Университет), и в этом направлении они достигли определенных, хотя и ограниченных успехов.

Как и во Франции, синдикализм вызвал существенное оживление и возрождение либертарного направления в Италии начала двадцатого века, и он объясняет стремление Малатесты к укреплению на Амстердамском конгрессе взаимосвязи между анархическим коммунизмом и синдикализмом. В первые годы XX века в итальянских профсоюзах возникли два направления: "федералисты", которые выступали за сильные общенациональные союзы, и "камералисты", которые делали акцент на местной солидарности трудящихся, объединенных в "Палаты Труда", подобные французским "Домам Трудящихся" (биржам трудящихся). Представители обоих течений работали бок о бок, но вскоре развернулась дискуссия по вопросу о всеобщей забастовке, идею которой "камералисты" (позднее ставшие синдикалистами) поддерживали. В 1904 году был образован национальный Секретариат Сопротивления, и синдикалисты взяли его под свой контроль, но в 1906 году, когда национальный конгресс профсоюзов постановил учредить Всеобщую Конфедерацию Труда /СЖЛ/, в подражание французской СЖТ, синдикалисты оказались в меньшинстве. С самого начала Конфедерацию контролировали умеренные социалисты, и в противовес им в 1907 году синдикалисты учредили Комитет Общественного Сопротивления, опирающийся на Палаты Труда и местные профсоюзы. Многие анархисты-коммунисты вступили в эту организацию, которая быстро получила влияние и престиж, благодаря активному участию в ней железнодорожных рабочих. Вскоре после образования Комитета Общественного Сопротивления синдикалисты возглавили всеобщую забастовку в Милане и забастовку сельскохозяйственных рабочих в Тоскане, которые переросли в серию сражений между полицией и забастовщиками. Неудача этих забастовок временно ослабила синдикалистов, и в 1909 году они провели Конгресс Синдикалистского Сопротивления в Болонье, на котором присутствовали делегаты от местных Палат Труда и от железнодорожников, на котором они решили присоединиться к реформистской СЖЛ, с целью инфильтрации в нее. Эта тактика оказалась неэффективной, и в 1911 году железнодорожные трудящиеся вышли из СЖЛ, а за ними последовали многие Палаты Труда и местные синдикаты. Наконец, в ноябре 1912 года синдикалисты собрались на конгресс в Модене, для того, чтобы образовать свою собственную организацию. Делегаты представляли сто тысяч трудящихся, среди которых основные группы представляли железнодорожники, сельскохозяйственные рабочие, строительные рабочие и рабочие-металлисты. Их резолюции показывают сильное влияние французского анархо-синдикализма; они поддержали методы прямого действия и заявили, что "всеобщая забастовка всех рабочих во всех отраслях производства есть единственный путь к полной экспроприации буржуазных классов". Наконец, конгресс основал "Унионы Синдикали Итальяна" (Союз итальянских синдикатов), как открытого соперника СЖЛ. Влияние этого союза быстро росло, и хотя меньшинство УСИ, которое поддерживало Антанту, вышло из УСИ во время войны, но, тем не менее, к 1919 году УСИ заявил о том, что в нем состоит пятьсот тысяч членов, в основном, среди индустриальных рабочих Турина и Милана. В нем также возникла своя группа интеллектуалов, среди которых центральное место занимал Артуро Лабриола, его идеи были в основном заимствованы у Пеллутье с оттенком мистицизма Сореля (теоретики французского анархо-синдикализма - прим.переводчика).

Между тем, в 1913 году Малатеста вернулся в Италию, чтобы способствовать возобновлению традиционного анархического движения, чтобы противостоять растущему влиянию синдикалистов. Кроме того, он начал выпускать еженедельную газету в Анконе, и продолжил свою пропаганду, несмотря на непрерывные помехи, чинимые полицией, до тех пор, пока, в июне 1914 года, в районе Адриатического побережья, неожиданно не вспыхнуло народное недовольство, вызванное тем, что полиция застрелила нескольких демонстрантов-безработных. Под руководством Малатесты в Анконе немедленно была объявлена всеобщая забастовка и быстро распространилась на Романью и Марсию, вовлекая в себя как деревенских, так и городских трудящихся, и затем - на другие части Италии. В течение последовавшей затем "Красной Недели", железнодорожное движение было в основном остановлено, и вспыхнули серьезные бои во многих городах, а также в сельских районах. Анархистам это казалось началом того, что Малатеста назвал "наступающим периодом борьбы, в конце которой мы сможем увидеть наш ослепительный и победный идеал". За несколько дней широкое общенациональное движение под руководством анархистов и УСИ (Союза итальянских синдикатов), казалось, приблизилось к грани - свержению монархии. Однако, не столько сила правительства, сколько слабость умеренных реформистских профсоюзов привели движение к гибели; после короткого периода колебаний СЖЛ (Всеобщая Конфедерация Труда) приказала своим членам вернуться на работу, и забастовка потерпела крушение. Конец Первой мировой войны ознаменовался новым возрождением революционных настроений в Италии, вдохновляемых примером Российской Революции. Когда Малатеста вернулся в конце 1919 года из Лондона, где он находился в военные годы в возобновленной эмиграции, его приветствовали, как народного героя, и в 1920 году он основал в Милане первую итальянскую анархическую ежедневную газету - "Уманита Нова" (Новое человечество). В этом году волна забастовок прокатилась по всей Италии, и в августе, в основном под влиянием УСИ, руководимого Армандо Борджи, рабочие-металлисты Милана и Турина оккупировали свои заводы. Вновь все это казалось началом революционной эры, шансом, данным поколению. "Если мы не воспользуемся этим благоприятным моментом и упустим его, - говорил Малатеста, - мы позднее должны будем заплатить кровавыми слезами за тот страх, который мы сейчас внушили буржуазии". Но сценарий событий, уже имевших место во время Красной Недели 1914 года, вновь был повторен. СЖЛ призывали к умеренности, рабочие оставляли захваченные предприятия в обмен на неопределенные обещания реформ, и в течение нескольких недель прошли массовые аресты забастовочных лидеров, а также анархистских и синдикалистских боевиков и активистов, включая Малатесту и Борджи, которых продержали в тюрьме без суда более десяти месяцев и наконец освободили в 1922 году.



В этот момент, поощряемые атмосферой разочарования, которая последовала за крушением всеобщей забастовки, террористы-индивидуалисты, представлявшие ничтожное меньшинство среди итальянских анархистов, вопреки влиянию Малатесты, начали действовать страшно и трагично. В ночь на 21 марта 1921 года группа террористов прибыла в Милан для совершения акций и заложила бомбы в театре, на железнодорожном вокзале и в гостинице. В

театре двадцать один человек погибли и намного большее число людей получили ранения. Это убийство принесло огромный, непоправимый ущерб репутации анархистов - среди рабочих, также как среди других классов, и способствовало будущим новым арестам среди анархистов, оно обеспечило фашистам предлог для их компании против левых, ведущейся под лозунгом "борьбы с насилием". Фашисты совершили налет и разгромили офис "Уманита Нова", и угрозами и репрессиями препятствовали возобновлению ее выхода в Милане.

Италия уже все явственнее склонялась в сторону диктатуры, и анархисты были точно парализованы недостатком собственной решимости, равно как и социалисты и коммунисты. Малатеста возобновил "Уманита Нова" в Риме, но она продержалась лишь несколько месяцев, до прихода Муссолини к власти. Затем, когда страну охватил фашистский террор, все анархические организации, также как и УСИ (Союз итальянских синдикатов) были безжалостно запрещены. Только Малатеста был оставлен на свободе, находящийся под надзором полиции, но не подвергшийся репрессиям, до самой смерти - в 82 года, в 1932 году. Возможно, это было искренним выражением уважения, которое отступник от анархизма Муссолини испытывал к нему, возможно, это было вызвано просто тем, что подвиги Малатесты сделали его, подобно Толстому в России, слишком крупным именем в мировом масштабе, чтобы легко можно было предать его забвению. Он в Италии оставался символом того движения, которое вынуждено было уйти в эмиграцию, спасаясь от фашистского террора. Эмигрантские группы, в основном в Америке, продолжали традиции итальянского анархизма до 1944 года, когда он вновь воскрес на своей родине, где отношение к нему стало гораздо лучше, чем в прошлом, и он стал самым сильным среди небольших либертарных движений, которые выжили в современном мире.

Во время фашистского режима итальянский анархизм существовал как в подполье, так и за рубежом. В основном он существовал в эмигрантских группах, среди итальянских эмигрантов в Соединенных Штатах и в Аргентине, а также среди беженцев, спасавшихся в Париже, Женеве и Лугано. Итальянские анархисты сражались в качестве добровольцев против итальянских фашистов в Испанской Гражданской войне, и здесь, как и в местах своей эмиграции, они выпускали газеты и создавали небольшие издательства, которые помогали выжить традициям анархического движения.

После Второй Мировой войны уцелевшие изгнанники вернулись в Италию и, вместе с теми, кто уцелел на родине, начали вновь воссоздавать движение. В 1945 году была воссоздана Итальянская Анархическая Федерация (ФАИ) в Карраре - исторической цитадели анархизма, и вскоре после этого возобновился выпуск газеты Малатесты "Уманита Нова"; она выходит и по сей день. Анархические традиции воскресли во многих других бывших центрах деятельности анархистов в Северной Италии, включая Анкону, Геную, Форли, Имолу, Реджио, Эмилиа и Ливорно. На юге, где итальянский анархизм зародился еще благодаря усилиям Бакунина, Неаполь стал центром возрождающегося движения, и здесь в 1946 году Джиованна Бернери и Чезаре Цаккариа основали анархическое обозрение "Волонта", начавшее выходить в Милане, которое вскоре превратилось в ведущее теоретическое издание итальянских либертариев. Недавно появилось соперничающее с "Волонта" издание, ориентирующееся на молодое поколение интеллектуалов -"Ривиста А", которое также начало выходить в Милане.

Итальянский анархизм в постфашистский период отличается во многих отношениях от своих ранних форм и проявлений. Анархисты в северных городах со старыми либертарными традициями продолжают воздействовать своим боевым настроем на местное профсоюзное движение, но, однако, они не воссоздают сильных революционных синдикалистских организаций, подобных УСИ эпохи Армандо Борджи. Подобным образом, когда, в 1985 году городской совет в Карраре, находящийся под контролем анархистов, решил открыть памятник Гаэтано Бреши, убийце Умберто Первого, это решение было поддержано не либертариями, но авторитаристами из "Красных Бригад" и из неофашистских групп, которые проводят современные террористические акты в Италии. Анархисты довольствуются организацией кооперативов. Они также особенно активны в интернациональном анархическом движении, так что два наиболее важных послевоенных всемирных анархических форума, в Карраре в 1968 году и в Венеции в 1985 году, были инициированы итальянским движением. Это всегда было типично для анархистов, начиная с основанного Бакуниным в Неаполе в 1866 году Интернационального Братства, и в этой деятельности находит выражение традиция анархического сотрудничества, не знающего государственных границ.

НЕЧТО ОБЫЧНОЕ

(Рассказ)

Даже внешне они напоминают старинных грабителей, совершающих налеты на почтовые дилижансы. Автобус не успевает причалить к последней остановке, пассажиры, шуршащие сумками и дипломатами, не успевают вывалиться из его набитого битком чрева, как в дверях грубо и стремительно вырастают о н и. Ни с места! Не двигаться! Это налет - ах нет - всего лишь проверка билетов.

Высоко в руках, на уровне груди зловеще подняты и направлены прямо на оказавшихся в ловушке людей, - не револьверные дула, не ржавые кинжалы - всего-навсего какие-то магические карточки с надписями.

"Червонец гони!" - грубо пихают они невысокого смуглого парня, усиливая сходство с книжными разбойниками. Пассажиры, поджав хвосты, просачиваются мимо фигур, загородивших двери, и поскорее уносят ноги. Те, у кого есть билеты и проездные, ощущают себя в относительной безопасности и, с чувством собственного достоинства, загораживаются ими, точно охранными грамотами, а стражники-контролеры скользят по ним высокомерно-равнодушными и чуть сожалеющими взглядами. На этот раз добыча уходит, поживы не будет. Ничего, -попадутся в другой раз !

С теми, у кого билетов нет, - сложнее. Главный козырь этих неумолимых фигур, заслонивших выход - стремительность, внезапность: вот какая-то женщина запоздало метнулась к компостеру, торопливо щелкнула его затвором, но поздно - ее уже засекли, зафиксировали, она уже на крючке. Дергаться бесполезно. "Гражданочка, с вас штраф". Тут можно себе позволить даже издевательскую любезность - любезность кошки с пойманной мышкой

У кого-то нет денег, с ним разговор особый: "Пройдемте на выход". Окруженная угрюмыми конвоирами обреченная спина удаляется - медленно, точно на расстрел. Все. Автобус опустел, я вытек из него - одна из последних капель в струйке пассажиров, процеженной сквозь сито дверей. И длилось-то это всего одну, много - две минуты. Да и что тут такого? Не убили, не ограбили, руки-ноги не поломали, даже не изнасиловали. Просто - проверка билетов. Обычное дело. Пора бы привыкнуть.

ПАВЕЛ СЕНТЯБРЬСКИЙ

ЗАЯВЛЕНИЕ О Т.Н. "ЛЕВОМ АНТИФАШИСТСКОМ СОПРОТИВЛЕНИИ"

26-27 октября 1996 г. на конференции в Москве было провозглашено создание организации "Левое антифашистское сопротивление", которая поставила своей целью сопротивляться фашистам на территории бывшего "СССР" и бороться против капиталистической системы (см. статью в газете "Рабочая демократия", No.3(29), ноябрь 1996 г.).

Мы сознаем опасность создаваемую бурным ростом националистических, расистских и фашистских настроений и необходимость противостоять им. В то же время процедура создания, намерения и состав новосозданной организации "ЛАС" вызывают у нас самые решительные возражения.

Прежде всего настораживает тот факт, что "ЛАС" создана в качестве секции европейского движения "Молодежь против расизма в Европе", которая является, по существу, партийной организацией троцкистской тенденции "Милитант". Именно эта тенденция организовала и финансировала учредительную конференцию "ЛАС". Мы считаем, что ни одна политическая группа не имеет монополии на сопротивление национализму и фашизму и не должна пытаться под флагом "антифашизма" захватить гегемонию в общественном движении.

В "ЛАС" с самого начала проникли лица, не только не имеющие ничего обшего с "антифашизмом", но и запятнавшие себя прямым сотрудничеством с националистическими и ксенофобскими кругами. Среди них: литератор и художник А. Цветков (псевдоним "Павел Власов", бывший активист лимоновской партии НБП, неоднократно публиковался в фашистских газетах вроде "Эры России", и продолжает писать статьи для органа НБП "Лимонка" в духе соединения "левого" и правого радикализма), художник А. Осмоловский (организатор выставки "Антифашизм и анти-антифашизм", испытывающий странную симпатию к "анти-антифашистской" эстетике) и профессиональный авантюрист Д. Костенко (председатель молодежного общества, ориентирующегося на северокорейский режим, член неосталинистской и антисемитской РКРП, идеологи которой утверждают, что "вся буржуазия на территории бышего СССР сионо-германо-японо-грузино-армяно-азербайджано-татаромонголизирована", автор статей, восхваляющих погромы как "форму классовой борьбы" и сталинский террор). Все они стремятся внедрить в сознание молодежи ультраправые, "новые правые" и тоталитарные идеи, а заодно и поживиться за счет денежных средств зарубежных левых.

Мы считаем ошибочной саму идею единства так называемых "левых" антифашистов, которая обрекает нас, сторонников антиавторитарного, анархического общества свободных личностей и всеобщего самоуправления, на организованное сотрудничество с нашими классовыми врагами и будущими палачами во имя логики некоего "меньшего зла". Мы считаем невозможным вести борьбу с национализмом и расизмом в одних рядах с национал-патриотами, "новыми правыми" или псевдолевыми сторонниками тоталитарных режимов.

Мы выражаем нашу озабоченность в связи с тем, что о вступлении в "ЛАС" заявили также некоторые анархисты. Полагаем, что присоединение антиавторитарных сил к движению под партийным контролем сомнительно. Практическое взаймодействие с "ЛАС" для нас исключено до тех пор, пока организация не избавится от дискредитировавших себя лиц.

Мы не намерены поддерживать буржуазную демократию или сталинскую диктатуру как средства "борьбы с фашизмом". Единственный способ противодействия национализму и расизму - это прямое действие трудящихся масс, непосредственный отпор фашистским бандам, классовая борьба. Единственная возможность раз и навсегда искоренить угрозу фашистского варварства - это социальная революция против государства и капитала, против всех правых и "левых" тиранов.

СМЕРТЬ ФАШИЗМУ! СВОБОДУ ТРУДОВОМУ НАРОДУ!

Московская организация К.Р.А.С.
и редакция "Наперекора"

Для подписки на наш журнал, достаточно отправить почтовый перевод по адресу: 125475 Москва, до востребования Рябову П.В.

В графе "для письменных сообщений" укажите, сколько и каких номеров журнала вы хотите получить. Стоимость подписки: на 1 номер - 5000 руб., 2 номера - 9000 руб., 3 номера - 12000 руб. Цены даны с учетом почтовых расходов. Оптовым распространителям (от 5 экз.) журнал предоставляется со значительной скидкой. Перепечатку материалов журнала приветствуем, ссылки желательны, хотя и не обязательны. Мы просим присылать нам экземпляры изданий, где опубликованы наши материалы.

наперекор

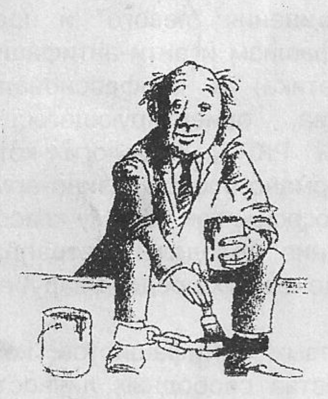
катализатор умственного брожения

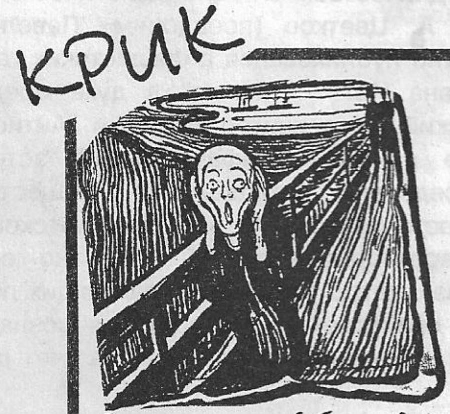
N 5 январь 1997

Редакционный совет:

Лора АКАЙ
Вадим ДАМЬЕ
Елена ЗОРИНА
Андрей КОНСТАНТИНОВ
Михаил МАГИД
Петр РЯБОВ

Связь с редакцией по адресу: 107061 МОСКВА, а/я 500
E-mail: cube@glas.apc.org





Всемосковское леворадикальное общество знаний

"ПУРГЕН"

извещает о том, что в 1997 г. планируется заслушать доклады по следующим темам:

* Идеология пацифизма
* Философия Макса Шелера
* Вильгельм Райх - секс и фашизм
* Угро-финская мифология
* Молодежные организации анархистов и социалистов-революционеров в 1918-20 гг
* Эволюция идеологии западной социал-демократии в XX веке
* Анархическая коммуна Арагона во время гражданской войны в Испании
* Поэзия французского романтизма: Т. Готье и др.
* "Пражская весна" 1968 года
* Поэзия А. Рэмбо
* Славянская мифология
* Афганистан: 1979 -1997 (гражданская война)
* Мировоззрение Рихарда Вагнера
* Идеология исламского фундаментализма
* Коммунизм "рабочих советов" от Паннекука до Касториадиса

Справки о месте и времени докладов можно получить по телефону 270 98 34 (звонить с 21 до 23 часов, спросить Михаила)